

A close-up portrait of a young woman with long, wavy red hair and freckles. She is looking directly at the camera with a neutral expression. The background is dark, making her face and hair stand out.

#ONLINE-БЕСТСЕЛЛЕР

16+

Карвин Ви

#МИР ВНИЗУ

САМЫЕ НАШУМЕВШИЕ КНИГИ РУНЕТА

Ви Карвин
Мир внизу
Серия «#ONLINE-бестселлер»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25743071
Мир внизу: АСТ; Москва; 2017
ISBN 978-5-17-104532-6

Аннотация

2165 год. Рейнджеры – единственная связь между давно отнятой у людей Землей и летающими станциями – последним оплотом человечества. Сионна Вэль – лучшая в своем деле. Казалось бы, ничто не способно пошатнуть ее уверенность в себе. Но после того как девушке назначают напарника, все меняется. Разбираясь в череде странных событий, Сионна оказывается в центре политических интриг и последствий прошлого. И понимает, что ее представление о мире – на станциях и за их пределами – невыносимо далеко от истины.

Содержание

Пролог	5
Часть первая	7
Конец ознакомительного фрагмента.	148

Карвин Ви

Мир внизу

© Карвин Ви, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Пролог

Он принял столько обезболивающего, что теперь оно словно текло в его венах – вместо крови. Кстати, о крови...

Он едва не поскользнулся в натекшей луже, пока брел к установке – шаг за шагом, невыносимо медленно, точно у него в запасе было все время мира. Возможно, ему просто казалось, что небольшой отрезок вытянулся в бесконечность, но он уже мало что соображал, когда добрался к цели.

Он проделал все машинально, почти не помня, что следует за чем, и, когда через отверстие в потолке на него полился дождь, он понял: получилось. И обессиленно сполз на красный и липкий пол.

Перед глазами мелькали темные пятна, становясь с каждой секундой все больше. Он сделал вдох: воздух, насыщенный озоном, попал в слабеющие легкие и тут же вырвался обратно вместе с горьким кашлем. Дождевые капли хлестали его по лицу, но сил на то, чтобы опустить запрокинутую голову, уже не осталось.

Если бы можно было выбрать, где и при каких обстоятельствах встретить свою смерть, он бы точно выбрал что-то другое.

Пространство шло волнами – но это была не предсмертная галлюцинация. Четыре извивающиеся ленты, гибкие и блестящие, как ртуть, вытянулись над ним, словно желая

рассмотреть как можно лучше, не упустив ни единой детали. Попадавшая на них вода испарялась мгновенно, с недовольным треском.

— А ты злопамятна... — Он не почувствовал, как кровь хлынула из уголков его улыбки.

По-змеиному изогнувшись, ленты набросились на него, прошивая насквозь одежду, кожу, плоть, втискиваясь в его кости, беспощадно разрушая саму его суть.

И когда дверь наконец вскрыли, они уже были единым целым.

Часть первая

1

Искусно вытесанная из ивы крылатая девочка казалась тяжеловатой для такой небольшой статуэтки. Держать ее в руках тем не менее мне понравилось. Это и определило ее дальнейшую судьбу – стать частью моей коллекции земных трофеев.

– Сэмми, ко мне! – Мой голос звучал чужеродно и неуместно, пронзая тишину полуразрушенной квартиры.

Сэмми, он же МСЭ-12, магнитный сборщик экземпляров двенадцатой модели, бесшумно преодолел расстояние от кухни до гостиной и застыл в метре над полом. Воздух ощутимо завибрировал под воздействием магнитного поля.

Я швырнула в Сэмми найденной статуэткой. Сборщик ловко поймал ее распахнувшимся отсеком и запищал, транслируя данные о находке наверх. Вне всяких сомнений, Айроуз будет опять недовольна, что я тащу отсюда всякий, по ее мнению, хлам. Не то чтобы ее мнение когда-либо меня беспокоило.

– ПЕРЕГРУЗКА ШЕСТНАДЦАТЬ ПРОЦЕНТОВ, – со-

общил нежный механический голос Сэмми.

Вот это беспокоило куда сильнее.

Ну ничего, на шестнадцать сборщик просто форсирует с паузой. Нам с Сэмми доводилось переживать и более серьезные испытания. Однажды на тридцати семи процентах перегрузки его системы хранения заклинило, и двигатель заглох. Пришлось бежать до места сбора с ним в руках. Пятнадцать килограммов в режиме сумасшедшего галопа – удовольствие, которое не хочется повторять.

Я провела пальцем по столу в некогда уютной гостиной, прочерчивая твердую линию в слое пыли. Когда-то здесь жили люди. Со своими мечтами и планами.

Я попыталась представить себе эту семью. Отец – высокий, с залысинами, вероятно, архитектор, судя по обнаруженным в кабинете макетам и инструментам для черчения. Мать – пухленькая и добродушная любительница фартуков с курочками; я бы даже захватила с собой один из безумной коллекции, если бы они не были *настолько* глупыми. И ребенок – девочка с вечно разбитыми коленками и целой армией пластмассово улыбающихся, ныне потемневших от времени кукол.

Вероятно, все мои предположения – мимо. У меня и так беда с угадыванием, особенно в условиях недостатка информации. Я даже не знала точно, на территории какого из павших государств нахожусь. Ну, разве что, если судить по кириллице в книгах и записках... Сербия? Болгария? Украина?

Все эти названия больше не имели никакого значения. После стольких лет... я даже не до конца понимала, зачем мне держать их в голове.

Исследовав один из ящичков в детской, я нашла конверт с фрактальными картинками. Рассмотрела их бегло, а затем почти случайно наткнулась взглядом на мигающий экранчик наручного компьютера.

Черт!

В моем деле главное не увлекаться чересчур – и про время лучше не забывать.

Я схватила ожидавшую на подоконнике стопку заранее отложенных фотографий, собранных с квартир по всему этажу, и в спешке запихнула их в рюкзак. Таймер показывал, что у меня есть еще шесть минут и сорок четыре секунды.

Что можно успеть за это время?

Например, вылезти из квартиры заброшенной многоэтажки через балкон, спуститься по опасно шатающейся пожарной лестнице и добежать до пустыря за котлованом, где когда-то находилась школа, – там станция подбирает нас сегодня. А можно сделать крюк до соседней квартиры и все-таки снять со стены приглянувшиеся олени рога; по какой-то причине бывший обитатель квартиры повесил их на стену. Странно, что всю тушку поверженного зверя не прибил.

– Сэмми, за мной! – крикнула я сборщику, перехватывая рюкзак и несясь к выходу. Сэмми распознал мой голос и тонким свистом за спиной дал знать, что не отстаёт.

Я справилась почти за две минуты; в процессе добычи рогов еще заметила забавную лягушку из дерева в закрытом на замочек стеклянном баре. Пришлось отвлечься на поиски подходящей штуки, чтобы разбить стекло.

Времени оставалось впритык. Я узнала об этом даже раньше, чем сверилась по таймеру, потому что в наушнике появилось раздраженное шипение. Динамики были в порядке – шипела Айроуз, а она по-другому не разговаривала. По крайней мере, со мной. По крайней мере, в ситуациях, когда я вела себя немного *менее* по уставу, чем лейтенант и руководитель рейнджерского корпуса от меня ожидала.

– Сионна! Что за черт?

– И тебе привет, Айроуз, – невозмутимо ответила я, шмыгая носом; похоже, у меня обнаружилась аллергия на пыль – даром что на Четвертой пыли не водится. – В чем там дело?

– Все уже собрались, станция вот-вот выйдет из невидимости. – В ее голосе звенел такой металл, что заикнуть эту фразу – и получилось бы идеальное орудие для пыток звуками. – Ты же опоздаешь!

– У меня еще целых... – я намеренно растягивала слова, поглядывая на свой таймер. – Целых четыре минуты и двадцать секунд... Девятнадцать.

Напряженное молчание продлилось бы и дольше, но времени правда было немного.

– На станции тебя ждет серьезный разговор, – пообещала Айроуз.

– На станции. То есть все-таки ты уверена, что я не опоздаю, – с ухмылкой констатировала я.

Айроуз тут же отключилась. Над ней даже издеваться было неинтересно.

Но вообще, конечно же, она в меня верила. Не верить в меня – это как не верить в эволюцию: глупо и вызывает недоумение. Ведь Сионна Вэль – лучший рейнджер Четвертой станции. Это знали все ее резиденты, а те, кто не знал, вероятно, еще и ходить толком не научились. И говорить.

Поддерживать статус лучшего рейнджера – нелегкая работа. Вот сейчас лучший рейнджер Сионна Вэль выбежала как ошпаренная из квартиры на лестничную клетку, пронеслась стремглав на ближайший открытый балкончик между этажами, влезла на его край, свесила вниз ноги и замерла.

Пришло время обновить координаты, и только я запустила процесс на своем наручном компьютере, на весь экран вылезло сообщение:

ИДЕТ СИНХРОНИЗАЦИЯ, ПОДОЖДИТЕ

Ладно, ждем.

И немного, совсем немного нервничаем.

– Сэмми, – серьезно сказала я зависшему в полуметре от меня МСЭ, поглядывая на все не желавшее исчезать сообщение. Пятки ботинок нетерпеливо колотили о бетонный бортик, пальцы левой руки впились в жесткий край балкончика сильнее, чем надо, а мозг изо всех сил старался адекватно воспринимать два десятка этажей до земли. – Форсаж, на

базу. Выполняй.

Сэмми издал победоносный писк и послушно улетел, форсируя лишь с небольшой паузой. Похоже, механики успели обновить его внутренности, пока мы готовились к высадке. Я обожала этого малыша. Ну, и механики тоже молодцы.

А теперь настала моя очередь. Сообщение с «подождите» наконец-то сменило другое.

СИНХРОНИЗАЦИЯ УСПЕШНО ЗАВЕРШЕНА

Захотелось рассмеяться от облегчения, но высота подомной не особо располагала к смеху.

Кряхтя и пошатываясь, я поднялась на ноги.

Главное – не думать о том, что где-то там внизу есть асфальт. Не представлять его твердую зернистую структуру. Не умножать в уме свой вес на ускорение свободного падения...

– Ах, к черту! – Фыркнув словно в насмешку над собственными сомнениями, я просто сиганула с балкона вниз.

Ветер тут же оглушил меня, но пальцы рефлекторно зажали кнопки, вживленные в рукава. Крылья, заботливо сложенные в секретных отсеках по швам формы, раскрылись. Мое тело резко дернулось вверх, словно в нем не стало ни одной косточки, и я на мгновение зависла воздухе. А затем продолжила прерванное падение – по высчитанной траектории до места сбора.

Первые впечатления? Невероятно.

Тончайшие полосы пока безымянного металла на основе суперматерии были защищены огнеупорной тканью. Программа, управляющая крыльями, заставляла их держаться друг от друга на расстоянии согласно с аэродинамическими расчетами Сириуса. Разве не чудесно иметь в друзьях ведущего изобретателя станции? Который к тому же достаточно любопытен, чтобы нарушать правила и экспериментировать с еще не полностью исследованной суперматерией за пределами своей лаборатории.

Я не падала, как должна была, с двух десятков этажей строго вниз, но почти парила над выжженной почвой, точно огромная мутировавшая птица. Эти крылья не ждали, пока я задам им направление, но, не удержавшись, я сделала первый взмах. Программа, успешно принявшая на вход координаты с таймера, сама развернула меня в сторону зоны сбора – в меру плавно, в меру настойчиво. Теперь я могла махать руками в свое удовольствие или вообще расслабиться – модифицированный спецкостюм был рассчитан на оба варианта.

У Сириуса поистине были золотые руки.

Высота больше не казалась сколь-либо опасной. Хотелось кричать от захлестнувшей меня смеси страха и восторга, но, летя лицом вниз, я даже вдохнуть не могла. Я сделала усилие, пытаясь совладать с непривычной конструкцией крыльев. Маневр удался – меня перевернуло на спину – одну из рыжих косичек ветер швырнул мне в лицо, на мгновение дезориентируя, а затем...

Затем я *увидела*.

Сквозь тонированные стекла защитных очков небо казалось особенно насыщенным и объемным. Как будто это оно — Земля. Безграничная, синяя, покрытая сизыми тучками материков Земля.

И это все было просто волшебю.

А настоящая Земля с каждой секундой приближалась. Время поджимало, и мне пришлось прервать свое умиротворенное созерцание и сосредоточиться на посадке.

Только приземляться нормально я пока не умела: уже у самого финиша запаниковала, раньше времени чиркнула носком ботинка по гравию, теряя равновесие. Едва успела подставить ногу, чтобы не упасть на колени. Не так изящно, как хотелось бы, но будем откровенны: я только что слетела с высоты двадцати этажей на пока еще не протестированных крыльях и выжила.

Я выпрямила ноги, дрожа не то от ужаса, не то от радости, провернула и опять зажала кнопки. Мои крылья за несколько секунд втянулись в швы-тайники. Когда суперматерия оказалась разогнана по отсекам, я с победным видом взглянула на наручный таймер. Синхронизация с крыльями немного поломала прошивку не подготовленного к таким вещам устройства, но через мелькающий белый шум на экранчике я все-таки умудрилась рассмотреть время.

— Еще минута.

К месту сбора начали подтягиваться другие рейнджеры —

по двое. Большинство предпочитало работать парами. Таких как я – одиночек – было всего несколько человек на весь корпус.

Я не смогла сдержать мрачную усмешку, осознав, что пришла первой. Айроуз соврала. Надо будет напомнить ей об этом при случае.

– Как тебе это удастся? – отдышавшись, спросила Тамина, единственная из этой группы рейнджеров, кто со мной еще разговаривал.

– Ген уникальности, – фыркнула я, игнорируя запоздало трясущиеся от адреналина коленки. Тамина слабо улыбнулась, и я только теперь заметила, что у нее несколько помятый вид, а смуглое открытое лицо пересекают четыре царапины. Хотела спросить, в порядке ли она, но язык всегда словно распухал в таких случаях. И на этот раз я тоже промолчала.

Молчанию не суждено было перейти в стадию неловкости, потому как по периметру зоны сбора тут же забегали едва различимые в дневном свете диодно-голубые лучи. Сканирование – на станции предпочитали лишний раз убедиться, что все в порядке. Никогда нельзя быть *слишком* озабоченным безопасностью в наши времена.

А за сканированием последовали лифты – шесть вонзающихся в землю на десяток дюймов камер, для каждого из рейнджеров. Чтобы доставить нас домой.

Те, кто часто бывал на Земле, всегда рисковали подхватить какую-нибудь внеземную заразу и наделать всем на станции больших проблем. Это одна из причин, по которым рейнджерами становились в основном избранные с хорошим иммунитетом. И нормальной координацией движений, чтобы не покалечиться на ровном месте, – от этого никакой иммунитет не застрахует.

Как только наши ноги коснулись иридиевого покрытия в таможенном отсеке, на нас привычно налетели облаченные в закрытые комбинезоны сотрудники дезинфектора. Отобрав защитные очки, наручи с полезными инструментами и элементы панциря, они направили всю нашу группу через небольшой коридор (излучение в котором, как мне казалось, тоже выполняло часть работы по дезинфекции), в зону прибытия, где в небольших комнатках нас ожидали врачи.

– Это у тебя оленьи рога, что ли? – Доктор Кара, оторвавшись от планшета, кивнула на торчащий из-за моей спины трофей. В ее глазах появилось что-то вроде искорки интереса, поэтому я решила не упустить случая блеснуть остроумием.

– Он сопротивлялся.

Кара улыбнулась мне, и в уголках ее глаз за толстыми стеклами очков обозначились приятные морщинки. Удивитель-

но, как я заметила их с этого расстояния. Затем она мгновенно переключилась обратно в режим доктора, ведущего мой профиль, и ее взгляд так же быстро потух – в нем не осталось и тени эмоций. Я почувствовала легкое разочарование, но субординация на то и субординация, чтобы убивать в людях все человеческое.

– Повреждения мягких тканей, головокружения, недомогание? – дежурно спросила доктор Кара.

– В этот раз обошлось.

– Хорошо. – Она опять уткнулась в планшет, что-то отмечая в своих медицинских таблицах.

Повисла пауза.

Я переступила с ноги на ногу, оглядывая отсек дезинфекции. Ничего интересного здесь, кстати, не было. Стерильно-белые стены, медицинское оборудование, о назначении которого я могла только догадываться, – я никогда не травмировалась внизу настолько, чтобы нуждаться в экстренной помощи. Огромная овальная панель, за которой скрывались капсулы с антисептиком, – в них рейнджеры должны были проводить по десять минут после каждого рейда. Мало ли какой заразы эти космические ящеры успели нанести на Землю – всегда лучше перестраховаться, чтобы не получилось, как со Второй. Пятнадцать лет назад неизвестная человечеству эпидемия выкосила подчистую весь ее экипаж. Шесть тысяч человек.

Интересно, смертельные для нас болезни для самих яще-

ров – это что-то вроде обычного насморка, который лечится парой антибиотических пилюль? И наоборот – насколько опасны для них простейшие человеческие вирусы? Может, однажды ветрянка окажется тем самым абсолютным оружием, что вернет нам нашу планету...

Задумавшись о космических ящерах, я вдруг заметила, что доктор Кара теперь оторвалась от таблицы и смотрит на меня. Ее идеальной формы брови приподнялись, как будто она ожидала от меня чего-то и не понимала, почему я этого не делаю.

– Раздевайся, пожалуйста, – попросила она в ответ на мой вопросительный взгляд.

Неожиданно для себя я залилась краской. На моей бледной коже смущение отображается своеобразно, как будто на каждой щеке расплющили по ягоде клубники; дефицит витамина D заставлял меня выглядеть очень глупо.

– Прямо сейчас? – вырвалось у меня, прежде чем мозг успел сообразить, что доктор Кара имела в виду. Понимание настигло мгновением позже за компанию с желанием провалиться незамедлительно на уровень с запасными турбинами.

Черт. Так всегда.

В присутствии доктора Кары, тактичной, умной и безукоризненной, я постоянно вела себя... глупо. Так, как ни с кем другим ни при каких условиях. Наверное, это потому, что в ее присутствии я никогда не чувствовала необходимости, хм, подтверждать свое превосходство. Что-то доказы-

вать. Быть начеку. Она была слишком доброжелательной и слишком профессиональной, и не могла не нравиться.

— Ну... да, прямо сейчас, — подтвердила доктор Кара, тактично сделав вид, что не заметила моего замешательства. — Мне же надо отнести твои личные вещи и одежду на дезинфекцию, пока ты будешь проходить процедуру в капсуле. Как, в общем-то, и всегда...

— Конечно. — Я старалась не глядеть на нее, быстро скидывая рюкзак со своим хламом на специальный столик на колесиках, следом отправляя туда же ремешки с шипастыми наплечниками, щитки для голеней и предплечий и прочие защитные элементы панциря.

Через мучительно неловкую минуту доктор Кара увезла все это на дезинфекцию, а я продолжила угрюмо стаскивать с себя одежду, едва сдерживая ругательства.

Нет, ну вот что это только что было?

«Прямо сейчас?»

Серьезно, Сионна? Seriously?

Ужасно злая на весь мир и себя как его неотделимую часть, я поплелась в капсулу с антисептиком, чтобы растворить там весь свой позор.

Как и ожидалось, первой, кого я встретила на жилом уровне после процедуры дезинфекции, оказалась Айроуз. Как всегда недовольная, со скрученными в сложный узел пепельно-седыми волосами и чуть щурящимися глазами, зелень

которых она никогда не подчеркивала. И, конечно, со своим здоровенным планшетом, которым она будто щитом прикрывалась от всего мира. *От всей станции*, если быть точнее. Четвертая и ее товарки, застрявшие между небом и землей, – вот весь мир, оставшийся нам после 2084-го.

– Следуй за мной, – сухо сказала Айроуз и направилась в ближайшую пустую комнату для инструктажа, придерживаемую нашей службой безопасности для каких-то внутренних нужд. Со стороны Айроуз это было мудрое решение – не устраивать же мне разнос прямо в общем коридоре.

В группе вышедших после дезинфекции следом за мной рейнджеров кто-то хихикнул. Я обернулась. Тамина недовольно пнула локтем свою вечную подружку Эрлин, а затем посмотрела на меня извиняющимся взглядом и одобрительно улыбнулась. О моих отношениях с Айроуз по Четвертой ходили легенды, и, естественно, многим несдержанным личностям вроде Эрлин это казалось забавным.

Только мы оказались наедине, Айроуз отложила планшет и скрестила руки на груди, после чего последовала очередная попытка испугать меня строгим взглядом. В сочетании со шрамом от ожога в пол-лица получалось действительно устрашающе. Но я привыкла.

– Чего ты добиваешься? – спросила она прямо.

Сначала мне хотелось буркнуть бесцветное «ничего», но вместо этого я гордо приподняла подбородок и сказала, глядя ей в глаза:

– Всего, чего мне хочется.

Мне понравилась получившаяся игра слов, а еще фразочки вроде этой всегда заставляли меня чувствовать себя... восхитительной. По Айроуз, правда, нельзя было сказать, что она это оценила.

– Игнорирование техники безопасности и целей рейда, невыполнение плана, постоянное подвергание себя риску опоздания на сбор... – принялась перечислять она, пока я демонстративно рассматривала серый потолок. – Однажды эта станция просто улетит без тебя, Сионна. Ты понимаешь, что тогда будет с отцом?

Как будто отцу на самом деле было до этого дело. Нет, мой папа – отличный человек, и с чувством юмора у него полный порядок. Но... он заправлял всей этой станцией столько, сколько я себя помню. Являясь ее капитаном, он был тут практически *всеобщим* папой, и у него просто не могло быть времени на каждого ребенка в отдельности. Я даже не помнила, когда мы с отцом говорили по душам последний раз. Наверное, я еще и в рейнджерском корпусе-то не числилась.

– Ну, прежде всего, я никогда не иду на риск, если не уверена в результате, – почти примирительно сказала я. – И в этот раз, кстати, прибыла в зону сбора раньше всех твоих «правильных» рейнджеров.

Айроуз поджала губы, знаменуя следующую волну нравоучений.

– А если бы крылья не раскрылись? Сырой прототип! С

использованием суперматерии! Я уже сделала выговор Сириусу за то, что он поощряет твое бунтарство.

Ну вот. Бедный Сириус, не представляю, что ему довелось выслушать. Вернее, представляю слишком хорошо.

Я закатила глаза.

– Но я сама попросила Сириуса поставить мне крылья!

– И он это сделал – в рабочее время, когда должен был заниматься другими вещами.

– Но если бы не это, я бы точно опоздала на сканирование.

– Исключительно по своей вине. Я уже не говорю о том, что твой МСЭ не принес на станцию ничего полезного из выданного тебе списка – сплошной хлам.

Тут экран ее планшета вспыхнул ярко-синим – значит, пришел отчет от доктора Кары. Очень вовремя.

– Проверь еще раз, выполнила ли я задание, – расплылась я в улыбке.

– Четырнадцать ртутных термометров... – Айроуз приподняла брови в приятном удивлении. Ее глаза пробежались по строкам отчета дальше, и лицо тут же перекосилось от ужаса. Казалось, даже шрам побледнел. – Ты рассовала ртуть по внутренним карманам формы?! Сионна, ты совсем идиотка?

– Я успешно прошла сканирование и очистку, – уязвленно возразила я. – Все в порядке.

– Ты могла отравиться, если бы один из этих термометров разбился!

– Но ведь ни один не разбился.

Айроуз опять раскрыла рот, и я приготовилась выслушивать очередную порцию упреков. Но внезапно она передумала орать на меня дальше. Ее лицо приобрело совсем другое выражение.

О нет.

Когда Айроуз не злилась, она превращалась в заботливую маму-квочку. Это было так же глупо, как фартуки с курочками, и примерно настолько же невыносимо. На мой вкус, уж лучше пусть злится.

– Сионна, ну почему с тобой всегда должно быть так сложно? Тебе почти двадцать, а такое чувство, что любая девятилетка тебя благоразумнее. Все, что от тебя требуется, – следовать правилам станции...

– Я сама разберусь, каким правилам мне следовать.

Дерзкая фразочка сработала как надо – лицо Айроуз, тронутое ненужным здесь никому беспокойством, вернулось в свое обычное непроницаемое состояние.

– Еще одно нарушение – следующий рейд отсиживаешься в своей каюте.

– Это будет неэффективно. – Я поджала губы, внутри до предела возмущенная тем, что Айроуз посмела угрожать мне именно этим. Рейды – единственное, что мне нужно от этой ограниченной жизни.

– Не советую испытывать меня, – так же упрямо процедила Айроуз.

Кажется, в этот момент я должна была замолчать. Но хорошие мысли обычно приходят в голову уже после того, как необходимость в них пропадает. Кроме того, я была на эмоциях, что здорово мешало разобраться, какая мысль из посетивших меня в те минуты была хорошей, а какая – не слишком.

– У тебя нет выбора, Айроуз. Я лучшая из твоих рейнджеров. Лучшие показатели, лучшая эффективность. Ни одного – как бы тебе этого ни хотелось – проваленного задания.

– Незаменимых людей нет, – сложив руки на груди и недовольно щурясь, отрезала лейтенант.

Это окончательно вывело меня из себя. Я молча вылетела из комнаты для инструктажа, прежде чем окончательно перегнула бы палку в своих натянутых отношениях с Айроуз. Не видя ничего вокруг, я мчалась по стерильно-белым коридорам уровня, едва не налетая на встречающихся мне обитателей станции. Удары сердца отдавали в висках, а руки непроизвольно сжимались в кулаки.

Само допущение о том, что Айроуз сомневается в моей незаменимости, было чем-то сродни красной тряпки для быка в этой древней варварской корриде. Я не знала, куда деть вспыхнувший во мне гнев.

Немного остыла я только у двери своей каюты, когда поняла, что опять забыла код. Генератор случайных чисел устанавливал нам новые каждый месяц из очередных параноидальных соображений безопасности.

Я выдохнула несколько раз и медленно поплелась к дежурному по уровню, чтобы попросить его обновить мне пароль. Нужно было успокоиться. Разобрать трофеи (если их уже успели почистить и отправить в мою комнату). Отоспаться. Что угодно, только бы не возвращаться мыслями к Айроуз и ее угрозам. Хотя бы сегодня.

На самом деле в глубине души я, конечно же, понимала, что Айроуз действительно пыталась заботиться обо мне. Как умела. И моя основная проблема с ней заключалась лишь в том, что из двух сестер-близнецов при аварии в отсеке питания десять лет назад выжила она.

А не моя мама.

3

Первым делом я достала из ящика транспортировщика свой рюкзак – он пах сухим антисептиком, прямо как я после процедуры в очистительной капсуле. Я невольно понадеялась, что эти одержимые чистотой работники дезинфектора мне там ничего не повредили.

Содержимое рюкзака выпало на кровать. Обернутые защитной пленкой фотографии, статуэтки, какие-то изящные заколки для волос, рога... вроде бы все на месте. Следующие полчаса, несмотря на усталость и тяжелеющие с каждой секундой веки, ушли на то, чтобы найти место для каждого из новых трофеев и рассовать фотографии с улыбающимися

землянами прошлого по своим фотоальбомам.

Хотя я сознательно выбрала жизнь без привилегий, которыми теоретически могла пользоваться из-за высокого положения отца, лишнее пространство мне точно не помешало бы. Все ящики, наружные и внутренние, оказались забиты. Неисправный бот, переконструированный Сириусом под ходячую книжную полку, слабо пищал о перегрузке и отходил на пригибающихся под тяжестью ноши лапках каждый раз, стоило только приблизиться, чтобы водрузить на него что-нибудь еще. Часть пола скрылась под другими вещами, которые больше некуда было пристроить, а выбросить – слишком жалко.

Похоже, я действительно немножко увлеклась.

Но мне нравилось окружать себя всем этим, как говорила Айроуз, хламом. Это же та часть моего мира, которую я, родившаяся на станции, уже не застала. Та часть, которая ушла в небытие после высадки на Землю враждебных существ из космоса.

В детстве папа рассказывал, что последние несколько лет до Всплеска и Пришествия планета и так переживала не лучшие времена. Катастрофы обрушивались на человечество одна за другой, словно пытаясь закалить перед основной напастью – пришельцами. Станции готовили заблаговременно; кто-то умный догадался, что рано или поздно условия на Земле станут совсем невыносимыми для жизни. И когда явились незваные гости, некоторую часть населения – в ос-

новном тех, кто был связан с созданием станций, их семьи и просто счастливчиков, живших по соседству, – удалось эвакуировать.

Предполагалось, что мощности двигателей будет достаточно, чтобы вывести станции за орбиту. Спасенные могли бы отправиться в наши на то время еще молодые, но надежные колонии на Луне и Марсе. Но в расчеты закралась ошибка – та, которую уже восемьдесят лет исправляют с постепенно угасающим энтузиазмом. Таким образом, мы застряли здесь, в нескольких сотнях километров над поработанной Землей, постепенно превращающейся в руины. Связь с колониями оказалась утерянной. Теперь, когда прошло больше восьмидесяти лет, мы даже не могли быть уверены, что колонии не постигла участь Земли. Что там все еще кто-то есть. Что нас ждут.

Зато у нас негласно принято на это *надеяться*.

Честно говоря, с учетом постоянной угрозы быть вычисленными и уничтоженными, как уже десять станций за все время оккупации Земли, будущее наше было сокрыто туманом. Возможно, из подсознательного понимания, что с будущим ничего не получится, и произрастала моя любовь к прошлому.

Я уснула лицом в фотоальбоме, прямо в то время как наполняла его новыми фотографиями – витамины, которые нам вкалывали после капсул антисептика, почему-то всегда вызывали страшную сонливость.

Спустя четырнадцать часов сна, позднего завтрака и планового похода в корпус для отчетности я отправилась в тренировочный центр. Каждый рейнджер должен был поддерживать себя в отличной физической форме, а я была обязана прилагать к этому вдвое больше усилий. Когда ты дочь капитана станции, у тебя просто нет выбора. Если, конечно, не хочешь ощущать неприязнь в свою сторону острее.

– Я на симуляцию, – сообщила я дежурному, демонстрируя удостоверение рейнджера. Дежурный, парень с лишним весом и широко посаженными глазками, лениво посмотрел на меня из-под козырька своей дурацкой форменной кепки.

– Зал сейчас занят.

В мое законное время? Потрясающе.

– Парная, одиночная? – хмуро уточнила я, чтобы понять, насколько все серьезно у решившего перейти мне дорогу таким образом.

– Одиночная.

Одиночные симуляции длились меньше парных, но и были насыщеннее, сложнее. Большинство рейнджеров предпочитали держаться внизу именно парами – один исследует местность, другой прикрывает тыл, – и тренироваться поэтому тоже ходили вместе. Я же брала одиночные симуляции в основном потому, что остальные ребята из моего взвода просто недостаточно хороши, чтобы быть в паре со мной. И я сомневалась, что кто-то теперь вообще для этого хорош.

Мне не нужен был напарник, чтобы добиваться лучших результатов.

– Долго еще?

Еще один ленивый взгляд на часы. Это парень меня уже раздражал.

– Двадцать четыре минуты.

Вздохнув, я отлипла от стойки, опустилась на лавочку у входа в центр, закинула ногу на ногу и принялась ждать – с самым недовольным видом.

Когда симуляция подошла к концу, на небольшом экране, как всегда, высветились показатели. И... в общем-то, они были неплохи. По некоторым параметрам даже превосходили мои. Мне стало еще интереснее. Наверное, один из старших рейнджеров или инструкторов решил вспомнить молодость, не иначе. Такая выносливость говорит о большом опыте. А сила... надо очень целенаправленно посещать спортзал, чтобы добиться такого результата. Долгое время и я пыталась, да только на каком-то этапе стало ясно, что мне эффективнее вкладываться в другие характеристики.

Наконец двери зала симуляций раскрылись, и оттуда вышел высокий смуглый парень в форменной рейнджерской футболке, подчеркивавшей его развитую мускулатуру. Ну, неудивительно, что у этого бугая такой высокий показатель силы. Сам парень не был мне знаком, но в этом я не увидела ничего странного. Я редко запоминала лица людей, с которыми никогда не заговаривала, а с коллегами я, как правило,

и не заговаривала. Кроме, разве что, Тамины.

Любопытство относительно занявшего мою симуляцию было удовлетворено, но самомнению увиденное не понравилось. Поначалу я даже не поняла, почему.

Наши взгляды встретились. Его темные глаза смотрели спокойно, веки были расслаблены, придавая ему вид бесстрастного созерцателя. И я все-таки вспомнила, что уже видела этого парня несколько раз в штаб-квартире рейнджеров. На первичном инструктаже.

– Что ты здесь делаешь? – спросила я. – Не знала, что тебя уже допускают к симуляции. Особенно на время, закрепленное за другим рейнджером.

– Личное распоряжение Айроуз, – невозмутимо сообщил парень, вытирая полотенцем пот с шеи. – Теперь я могу тренироваться в любое время в рамках подготовки к рейдам. У меня первая высадка через два месяца.

Меня это возмутило. Изначально делать рейнджером такого, как он, – плохая идея.

– Что, домой потянуло? – не выдержала я, вместо того чтобы просто пристыдить нарушившего мои планы человека. Сомнительная шутка, с какой стороны ни глянь, но я просто не успела сообразить, насколько.

Его лицо предсказуемо перекосилось, но, надо отдать парню должное, тут же приняло прежнее выражение.

– Нехорошо говорить о таких вещах, – сообщил он нарочито спокойным тоном, складывая губы в вежливую полу-

улыбку. – Если не имеешь о них никакого представления.

– Нехорошо занимать зал, когда у меня запланирована симуляция. – Наконец-то я перевела разговор в нужное русло.

– В дальнейшем учту это, – покладисто сказал он, пожимая плечами.

Так просто? Он пошел к раздевалкам, и мне показалось, что разговор окончен. Я даже успела удивиться такой отходчивости, но он тут же передумал и обернулся ко мне с каким-то неподходящим лукавым блеском в глазах.

– С тобой же лучше шутки не шутить, да?

– О чем ты? – осторожно спросила я, в общем, догадываясь, что ничего хорошего он мне сейчас не скажет. Парень поднял брови в притворном удивлении:

– Ну. Насколько я понял, ты здесь важная птица. Дочь капитана. Племянница Айроуз.

Какой дешевый трюк – в спорах со мной в качестве аргумента упоминать высокое положение отца и тетки на станции. Я с такими с шести лет разделялась без особого труда.

– Важность этой конкретной птицы обусловлена исключительно ее личными качествами и заслугами, а не местоположением ее гнезда, – заявила я.

– Ага. – Он насмешливо глядел мне в глаза. – Я так и подумал.

Он был выше меня где-то на голову, что делало эту ситуацию вдвойне неприятней.

– Какие у тебя проблемы? – прямо спросила я. Никогда не страдала от привычки оттягивать неминуемое. Если зревает конфликт – так тому и быть, глупо делать вид, что ничего не происходит, пока это не вышло из-под контроля.

– Никаких проблем, – ровно ответил он, глядя на меня сверху вниз и очевидно наслаждаясь моим дискомфортом из-за разницы в росте. Настолько очевидно, что хотелось изо всех сил вмазать ему по лицу.

Но я этого не сделала. Просто потому что... ну, это небезопасно. Учитывая, что я и так в ссоре с Айроуз, которая этого хмыря теперь продвигает личными распоряжениями на мои тренировки. Это если забыть о том, что он едва ли не вдвое меня крупнее, а я только что видела его статистические показатели и способна мыслить здраво.

– Неудивительно, что вы с Айроуз так хорошоладили, – фыркнула я, поднося свою карту к ридеру. Система считала штрих-код, и панель, отгораживающая меня от мира тренировочных иллюзий, приветливо отъехала в сторону.

– Ничего себе там не повреди, – донеслось мне в спину.

Дверь за мной в этот момент закрылась, и придумывать подходящее оскорбление стало не нужно. Комната уже подгружала тренировочную зону: суперматерия, из которой состоял ее пол, вздыбилась и начала принимать форму случайно генерирующейся почвы.

Секунду я тупо глазела на этот завораживающий процесс, потом опомнилась и сунула в специальный отсек слева от

входа руку. Датчик распознал ее, и система ввела мне в вену погружающую сыворотку; из-за того, что рука была напряженно сжата, укол получился очень болезненным.

Чертов идиот.

Я была взбешена настолько, что пропустила первый же снаряд после полного погружения в симуляцию и проиграла. Пришлось ждать две минуты, пока система перезагрузится, чтобы попробовать еще раз.

Его звали Лиам.

Еще год назад он бродяжничал со своей маргинальной семьей по мертвым пустошам там, внизу. А сегодня он оказался практически рейнджером, и у него было разрешение Айроуз на симуляцию в любое время, и по некоторым показателям он побил мой рекорд.

Я его уже ненавидела, всей душой.

* * *

– Ты мой герой, – расплылся в улыбке Сириус, когда я зашла в его лабораторию с парой сэндвичей. За всеми делами он часто забывал поесть.

– Героиня, – со смешком поправила я, бросая ему пакет. Подтянула себя на руках и уселась на свободный край рабочего стола. – Как ты? Айроуз не сильно доставала?

– Не сильнее, чем обычно. – Сириус погрузился в освоение съедобного сэндвича от несъедобной фольги. –

Только в этот раз она запретила мне собирать для тебя новые устройства. Ну, прототипы. Для рейдов.

– Плохо, – грустно отозвалась я. – Но хоть уже начатые доделывать не запретила?

Сириус воодушевленно приподнял светлые, заметно выгоревшие на запредельно ярком свете лабораторных ламп брови.

– Об этом, кстати, ни слова не сказала.

– Хорошо.

Мы одновременно рассмеялись.

С Сириусом мы дружили уже около двух лет. В свои двадцать три он был ведущим изобретателем Четвертой, и совершенно заслуженно: ну, если, конечно, есть личная заслуга в том, чтобы родиться гением. Как это часто бывает с гениями, между ним и его чувством самореализованности непробиваемой стеной стоял комитет безопасности, заставляющий бедного изобретателя в ущерб эффективности добавлять рейнджерским устройствам десятки страховок на все случаи жизни.

Поэтому Сириус подсовывал все свое непроверенное и неутвержденное добро мне, а я на правах подопытного кролика-добровольца тестировала его в реальных условиях. Несмотря на периодические выговоры и угрозы ото всех инстанций, которыми сопровождалась наша деятельность, она все-таки положительно влияла на частоту и качество обновлений рейнджерского арсенала.

Ну и уровень признательности Сириуса по отношению ко мне рос в геометрической прогрессии. Это выражалось, например, в том, что с начала нашего сотрудничества его знакомые из отдела техоснащения улучшали моего Сэмми едва ли не каждый месяц, и в сравнении с другими МСЭ он был способен переносить гораздо больший вес, не особо теряя при этом в скорости.

– Ну и как тебе? – спросил Сириус с набитым ртом, имея в виду, конечно же, крылья.

– Захватывающе, – с готовностью ответила я. Но, конечно, его интересовало немного другое – он даже сэндвич отложил и блокнотом вооружился. Откашлявшись, я резюмировала самое важное: – Программное обеспечение немного конфликтует с прошивкой персональных компьютеров, но я не заметила, чтобы это как-то сказывалось на качестве полета. Маршрут строится в считанные секунды. Сразу после раскрытия крыльев отдергивает назад, немного дезориентируя, но это скорее вопрос привычки, там хватает времени, чтобы сгруппироваться... Приземляться неудобно – хорошо бы добавить крыльям функцию, контролирующую центр масс пользователя на подходе к земле.

Сириус делал пометки в своем блокноте, тщательно конспектируя каждое мое слово.

– Спасибо, Сионна, – сказал он, закончив и спрятав записи в кармане халата, и вернулся к своему позднему ужину. Или раннему завтраку.

– Да это тебе спасибо. Крылья меня спасли. Если бы не они, осталась бы внизу.

Его взгляд поверх сэндвича вдруг посерьезнел.

– Иногда мне кажется, что ты слишком рискуешь.

– Не только тебе, – фыркнула я. – Людям на этой станции не помешало бы уже усвоить, что у меня всегда все под контролем. Но, судя по тому, что в рейнджерские ряды сейчас набирают бывших бродяжек, люди на этой станции немного не в том состоянии, чтобы воспринимать действительность адекватно.

Сириус знал, о чем речь, и просто пожал плечами.

– По крайней мере, каким-то образом он же заслужил доверие Айроуз.

– Все, что он заслужил, – пинка под зад с этой станции, – мрачно изрекла я.

– Почему ты так говоришь? – Кажется, Сириус искренне удивился. В его идеалистических представлениях, рейнджерский корпус – это большая семья, где всегда рады новеньким и где царит дружба и взаимовыручка.

– Довелось встретиться с этим экземпляром лично. – Я заправила за ухо выбившуюся из косы рыжую прядь. – Не понимаю Айроуз, хоть убей. Зачем делать рейнджером такого, как он? Как она может ему доверять? Как она вообще додумалась до того, чтобы взять в корпус *маргинала*?

– Вероятно, лейтенант все-таки знает, что делает, – осторожно предположил Сириус. – Я слышал, Лиам проходил

психологическую реабилитацию на Одиннадцатой, у них очень хорошие специалисты. Ему вправили мозги, а навыки выживания и знание Земли никуда не делись. Было бы глупо игнорировать такой ресурс...

– Сириус, ты сейчас говоришь, как ученый, – перебила я, поморщившись.

– Вообще-то я и есть ученый, – скромно улыбнулся Сириус поверх очков.

– Лиам был *маргиналом*. Он не такой, как мы. Он не так мыслит. Ты же знаешь, что о них говорят... Будь он действительно адекватным, как заключили на Одиннадцатой, ни за что не дожил бы до совершеннолетия. Никогда нельзя быть уверенным, что у него в голове внезапно что-нибудь не перемкнет... и он не начнет вести себя *маргинально*.

– Вряд ли его отпустили бы с Одиннадцатой, если бы не доказал свою полную вменяемость, – предположил Сириус, упрямо отказываясь воспринимать мои доводы. Это звучало логично, но он, как и многие ученые, допускал одну ошибку: слишком верил в систему. А система между тем трещала по швам.

– Какова уверенность, – парировала я, – что специалисты, работавшие с ним, были действительно компетентны?

– Сионна, – вздохнул Сириус так, что мне стало неловко вообще за то, что я начала этот разговор. Разве неприятная встреча на симуляции стоит того, чтобы позволять испортить себе настроение?

Однако думать об этом надо было раньше.

Мое настроение – очень нестабильная по своей природе штука. Скептического нейтралитета Сириуса в вопросе Лиама сегодня оказалось достаточно, чтобы убить его в хлам.

– Ладно. – Я слезла со стола, стараясь не показывать, как обижена. – Маякни, как обновишь крылья.

И бутерброды себе сам таскай, раз такой умный.

Я скомканно попрощалась с Сириусом и вышла из лаборатории, пытаясь придумать, как буду коротать остаток этого дурацкого дня.

* * *

Сад Памяти находился на самом верхнем уровне Четвертой. Втиснутый между теплицами и двумя лифтами, он представлял собой небольшую рощу цветущих розовым деревьев и груды плоских, художественно расставленных по этой роще белых камней. На них мы традиционно выжигали имена тех, по кому скучали, и тех, с кем в этой жизни нам встретиться уже не суждено.

Это была отличная идея – расположить нашу скромную пародию на кладбище под прочным прозрачным куполом, закрывающим станцию сверху. Конечно, отдавать целый кусок ограниченного пространства под непрактичные нужды не стали бы так просто; здесь повсюду гнездились солнечные

батареи и трансформаторы, которые перерабатывали энергию и распределяли ее по кабелям, вьющимся змеями среди камней и деревьев. Стоит ли упоминать о том, что все эти приспособления наполняли Сад Памяти тихим, монотонным, непрерывным гудением?

Поэтому я обычно приходила сюда ночью, когда трансформаторы были отключены и уровень шума в Саду позволял собраться с мыслями.

– Привет, дедушка, привет, бабушка, – сказала я, проходя мимо скошенного камня, на котором мох рос так густо и быстро, что его постоянно приходилось счищать, чтобы прочесть имена. Бабушка и дедушка были военными. Не рейнджерами, в основную задачу которых входит исследование местности, а настоящими военными. Они оба погибли во время какой-то операции на Земле – лет за двадцать до того, как родилась я. Папа никогда не позволил бы мне пойти по их стопам.

Камень с именем мамы находился в самом сердце сада. Это было естественно; наоборот, люди сильнее бы удивились, узнав, что имя жены капитана станции высечено на одном из тех, что ютились в углу, практически под панелью климатизатора. Но мой отец не был бы моим отцом, если бы имена десятка других погибших в той аварии не присутствовали на этом же камне. Он всегда знал, как заработать себе дополнительные очки в глазах окружающих. В любых ситуациях.

Я смахнула с гладкой поверхности камня розовые лепестки, обнаружив там над всеми именами надпись маркером, затертую, но не выведенную до конца. «Красота лейтенанта Айроуз».

Как грубо.

Айроуз, в отличие от отца, на Четвертой не особо любили. Побоялись и старались не переходить дорогу – да. Но моей тетке и не нужна была чья-то любовь, она казалась вполне самодостаточной, занимаясь делами корпуса и трудясь на благо Четвертой. Я уже не говорю о том, что внешность волновала ее в последнюю очередь, а шрам ни на что в ее жизни не повлиял – ну, точно не тот шрам, который можно было увидеть на ее лице. Обычно при виде этой дурацкой надписи на камне я думала о том, что ее автор – идиот. Сегодня же я смотрела на нее с приглушенным злорадством: а нечего делать рейнджерами всяких маргиналов. Но на самом деле я пришла сюда не для того, чтобы поразмышлять о своих отношениях с теткой.

Еще несколько камней осталось позади.

– Привет, – сказала я и погладила выжженные буквы имени человека, погибшего больше двух лет назад. На самом деле с тем же успехом я могла здороваться с книгами на моих полках, со столиком в кафетерии, где мы зачем-то выцарапали свои инициалы, с дверью *его* каюты, которую теперь занимал какой-то парень из техников. Под этим камнем не было даже пепла. Все осталось внизу, на Земле...

Меня вдруг отвлекло какое-то движение на периферии. Я быстро повернулась туда – не хватало еще, чтобы меня застали разговаривающей с камнями посреди ночи! – но ничего не увидела. Розовые деревья беззвучно роняли лепестки, небо молча взидало на Сад Памяти через иллюминатор, тихо гудели преобразователи. Все было спокойно.

Со всеми этими страхами за собственную репутацию я начинала превращаться в параноика. Тем не менее я обошла сад, пытаясь понять, была ли мелькнувшая тень действительно лишь плодом моего воображения. Возможно ли, что кто-то еще решил почтить память своего погибшего товарища посреди ночи? Возможно ли, что я его спугнула?

Но, судя по всему, мне и правда просто показалось.

4

Я даже не удивилась, когда через два месяца не обнаружила своего имени в списках на высадку. Айроуз явно давала мне понять, что она здесь главная; я же продолжала игнорировать ее после того неприятного разговора, зная, что долго она без меня все равно не протянет.

Конечно, пропуск целого рейда – это очень плохо, учитывая, *насколько* скучна жизнь в иридиевой коробке между небом и землей. Ладно, это действительно *очень* плохо, но пока у меня было настроение кому-то что-то доказывать, ничего настолько страшного в лишнем выходном нет. В конце

концов, я всегда могла сходить в кинотеатр на какую-нибудь ленту столетней давности, или заскочить в центр подготовки, чтобы пообщаться с кандидатами в рейнджеры (которые, к слову, мечтают стать мной, когда вырастут), или провести для себя одиночную симуляцию на необычных настройках... Не так интересно, как на Земле, и коллекция моя от этого не пополнится, но сойдет.

Никогда не понимала, как живут те, кто вынужден *все* свое время проводить на станции. Как им может не хотеться увидеть то, что осталось нам после Всплеска и Пришествия. Как их не тянет исследовать огромную могилу целой цивилизации, прочувствовать то, что было ее историей – настоящей, без прикрас, – а не слепо поверить чуши из наших школьных учебников и закрыть для себя эту тему навсегда. На самом деле, со своей позиции я даже в некотором роде сочувствовала всем не-рейнджерам.

Наши технологии были недостаточно развиты для того, чтобы станция могла двигаться непрерывно. Раз в несколько месяцев она обязательно должна остановиться, зависнув на магнитной тяге над Землей, что позволяло разгоряченным двигателям остыть и передохнуть, а ремонтникам – устранить неполадки с наружной стороны. Происходили остановки всегда в разных уголках планеты, и из соображений практичности станция совмещала их с рейдами. Каждый раз, пока Четвертая с остывающими двигателями болталась над Землей, мы расплзались по заранее просканированному на

предмет маргиналов, ящериц и полезных ископаемых квадрату, устанавливали зонды, исследовали старые заводы и лаборатории, собирали полезные экземпляры... в общем, развлекались, как могли. В двадцать втором веке это почти все развлечения, что нам остались.

Кроме кинотеатров. Пока двигатели станции остывали, я успела посмотреть два короткометражных и абсолютно бессюжетных фильма. Разочарованная увиденным, я сидела в своей комнате, пытаюсь сосредоточиться на сортировке мелких украшений и пуговиц по отсекам одолженного где-то ящичка для инструментов. Получалось плохо; в наушнике транслировалась внутренняя связь из транспортного блока, и это была моя единственная возможность поприсутствовать на рейде. Пусть даже операторы обсуждали такую ерунду как повышенная туманность в регионе, высокий радиоактивный фон в Тунгуске и неполадки со сканером.

Этот рейд длился шесть часов и семнадцать минут, и, вопреки моим робким надеждам, Лиам из него вернулся.

Не вернулась Тамина.

Я слышала это на той же волне, вкупе с последними сплетнями капитанского мостика.

«Ребята из таможенного докладывают, вернулись только семеро».

«Семеро?»

«Без Мины, дочка Тэрренса из медблока».

«Твою мать».

Все внутри меня заledenело в одно мгновение. На моей памяти рейнджеров на Земле оставляли только один раз – патруль ящериц оказался в квадрате рейда, и пытаться спасти ребят означало выдать с потрохами расположение станции. К подобному событию просто невозможно подготовиться. С таким нельзя свыкнуться, каким бы насыщенным ни был весь опыт у тебя за спиной.

Я выскочила из каюты и едва успела на лифт, с парочкой техников отправляющийся на нижние уровни, к таможенному отсеку. Внизу уже находилась Айроуз; она встревоженно что-то объясняла смертельно бледной девушке в форме пилота. Судя по внешнему сходству, это была сестра Тамины. Я прошла мимо них незамеченной, в противном случае тетка бы обязательно меня развернула.

При виде взволнованной Айроуз я почувствовала такой неуместный укол злорадной гордыни, что мне стало мерзко. Как будто мое присутствие внизу могло как-то повлиять на судьбу Тамины. Зубы сжались так крепко, что заскрипели.

Я не до конца понимала, зачем туда иду.

– Она не успела, – даже не дожидаясь моего вопроса, сказала доктор Кара, первый знакомый человек, встретившийся мне в таможенном. Самый шумный и заполненный невероятно занятыми людьми отсек на станции был погружен в скорбное молчание. Даже ящики двигали беззвучно, словно телекинезом.

– Она на связи? – хрипло спросила я.

– Была, но... под завалом связь совсем не ловит. С ней пытались связаться после отбытия, но безуспешно. На Тами-ну упала балка в одном из павильонов на старой фабрике. – Доктор Кара опустила глаза. Голос срывался, но она заставляла себя звучать профессионально даже сейчас. – Эрлин пыталась вытащить ее. Но время было на исходе, и раны, полученные Таминой, оказались слишком серьезны. Мне очень жаль...

– Они ее хоть застрелили? – Я сжала губы, чтобы не выдавать их дрожь. Нравнодушие сделало меня до цинизма прямолинейной.

– Сионна. – Я невольно вздрогнула, когда Кара назвала меня по имени. Она подумала, что я в настроении плакать. Она не знала, что я не буду плакать.

Я просто хочу убедиться, что никто не мучился из-за чужого малодушия.

Что Тамину, раненую и обреченную, застрелили.

– Ее... оставили в живых? – попыталась еще раз, мягче. В уставе есть специальный пункт о «выстреле милосердия». Для тех рейнджеров, которым не повезло.

Кара мягко положила ладонь мне на плечо, и это словно пригвоздило меня к полу. Нарушение субординации в этом случае могло означать только одно.

– Насколько мне известно, Эрлин не смогла ей... помочь. У меня вырвался нервный смешок. «Не смогла помочь». Не смогла застрелить напарницу, избавив от бесконечных

часов умирания. Зато без проблем сумела бросить ее, заставив проживать каждый миг с пониманием, что за ней не вернутся. Станция никогда не ждет. Это глупо и нерационально – ставить под угрозу жизни стольких людей ради жизни одного рейнджера.

Даже если Тамина не умрет, рано или поздно до нее доберутся ящерицы. Или дикие звери, привлеченные запахом крови. Или маргиналы, что даже хуже. Она обречена. Просто потому, что ее напарница Эрлин – Эрлин, с которой она сидела за одним столиком в кафетерии, Эрлин, с которой ходила на симуляции, – *не смогла помочь*.

Дружба – такая переоцененная вещь. А милосердие – такая избирательная.

– Это все чертовски нечестно. – Я опустила голову, стараюсь не смотреть доктору Каре в глаза. – Мина была... неплохой.

Я ведь действительно считала ее неплохой. Если бы я искала дружбы, то непременно хотела бы видеть ее своей подругой. Тамина всегда была такой доброжелательной, даже несмотря на мою заносчивость.

Доктор Кара открыла рот, чтобы сказать еще что-то, но я покачала головой и ушла в отсек, где собирались после дезинфекции прибывшие. Дрожащие руки сами сжались в кулаки – кажется, у меня выработалась новая привычка.

Путь мне преградил Лиам, и я почему-то даже не удивилась тому, что это был именно он, а не какой-нибудь другой

рейнджер. Встретив мой разъяренный взгляд, он еще и проем закрыл, выставив руку так, чтобы я не могла пройти к остальным.

– Пропусти, – тихо прорычала я, едва сдерживаясь, чтобы не найти применение судорожно сжатым кулакам прямо сейчас.

Лиам не шелохнулся. Несколько секунд он просто глядел на меня так, будто что-то анализировал. Его брови дернулись, образуя едва заметную морщинку, а затем он медленно растянул губы в улыбке. Темные глаза смотрели при этом напряженно.

– В чем дело? – непринужденно спросил он наконец.

У маргиналов, говорят, проблемы с эмпатией.

– Ну, не знаю, – процедила я. – Может, тебе еще не почилили часть мозга, отвечающую за устный счет, но на Землю отправились восемь рейнджеров. А вернулись семь. Это на одного меньше.

– И почему тебя это так беспокоит? – Лиам приподнял бровь. Мне показалось, я ослышалась. Пришлось вскинуть подбородок, заглядывая ему в глаза. Там читалось... не недоумение, но что-то близкое к этому.

– Потому что, кажется, это больше не беспокоит никого. С дороги! – От резкого толчка плечом в грудь он немного потерял равновесие, но, вместо того чтобы дать мне пройти, вдруг спружинил на подошвах рейнджерских ботинок. Я опомниться не успела, как оказалась прижатой к противополо-

ложной стенке лопатками – в холодную металлическую облицовку.

Ледяная ладонь вцепилась мне в плечо. Свободной рукой он больно сдавил мое запястье, припечатав к стене.

– Сионна Вэль, ты редкостная эгоистка, – тихо сказал Лиам, приблизив ко мне лицо. Только яростный блеск в глазах выдавал его истинные чувства, внешне же мы вполне могли сойти за парочку, не совладавшую со страстью прямо в коридоре. – Тебе действительно так нужно поглядеть в лицо этой несчастной Эрлин, чтобы сделать ее день еще отвратней? Почему ты считаешь, что твои сожаление и скорбь сильнее ее?

Я почувствовала, что дрожу.

Лиам улыбнулся. Я уже не впервые заметила, какая у него красивая, располагающая улыбка. Вблизи она оказалась не слишком симметричной – левый уголок оказывался выше правого, но, вероятно, это было идеальное положение, золотое сечение человеческих улыбок. Тем не менее она не касалась других частей лица: низко посаженные брови не двигались, не появлялись морщинки в уголках глаз, само их выражение не менялось ни на йоту. Зато воображение почему-то само с готовностью дорисовывало эмоцию, которую Лиам мог бы испытывать в текущий момент. На первый взгляд, возможно, было незаметно, но сейчас, в этом дурацком коридоре, совершенно выведенная из себя нереальностью ситуации, я абсолютно точно могла сказать: его улыбки призваны дурачить людей.

Других, но не меня.

Со мной так еще никто не поступал. Не швырял об стенку, не затыкал рот. Не говорил, что я эгоистка, сияя улыбкой выпотрошенного человека. А каким еще человеком *он мог быть?*

В какой-то момент мне стало страшно. Но, к счастью, я не умела бояться дольше, чем долю мгновения, и на смену страху пришла злость.

Кем он себя считает?

– Держи при себе свою уверенность, что все в жизни вертится вокруг тебя, – почти нежно произнес Лиам, немного ослабляя хватку; видимо, почувствовал, что перегибает палку, только вот было уже поздно пытаться что-то исправить. – А сейчас сделай милость, поднимись к себе в каюту и полистай свои... фотоальбомчики. Это принесет Четвертой больше пользы, чем все, что ты хотела сделать...

Я захватила его левую руку, что сжимала мое плечо, использовала пойманную ладонь как рычаг, чтобы заставить Лиаму идти на поводу у боли. А дальше включился механизм, тысячу раз отработанный в тренировочном зале. Нырок под противника, правильно выставленная нога для подсечки и одно быстрое, резкое усилие, чтобы эта груда мышц и сомнений оказалась там, где ей положено. На полу.

Смотреть на него сверху вниз было приятно. Но я не могла не подумать, что вряд ли выполнить этот бросок было бы так легко, если бы Лиам был начеку. Если бы не позволил застать

себя врасплох.

— Катись в ад, — с расстановкой проговорила я, все еще тяжело дыша. Растерянность на его лице сменилась странной вызывающей ухмылкой.

— Только что оттуда. — Почему-то он не спешил вставать, только приподнялся на локте.

Отсылка к его земному прошлому? Да сколько можно этим спекулировать! Я и тени жалости к нему не испытаю. Не после того, как он занял мое время на симуляции. Не после того, как устроил весь этот цирк в коридоре. И уж точно не после того, что он успел мне наговорить.

— Запомни следующее, — сказала я. — Это станция, а не Земля, глупый ты варвар. Все вопросы здесь решаются цивилизованно. В следующий раз, когда ты решишь, что видишь кого-то насквозь, не советую прижимать его к стенке и затыкать ему рот своими клешнями. Некоторым это может не понравиться настолько, что тебе их просто-напросто отрежут.

— Это, по-твоему, «цивилизованное решение вопроса»? — донеслось мне вслед со смешком. Я не обернулась; за меня ответила рука, вскинутая в неприличном жесте напоследок.

Хотелось поскорее покинуть транспортный уровень — чем я вообще думала, когда спускалась сюда?

К лифту я чуть ли не бежала, не видя перед собой ни спешащих на техобслуживание инженеров, ни безуспешно окликнувшего меня знакомого из транспортного.

Зачем это все? Зачем? Тамине уже не помочь, это было

очевидно. Это было очевидно с самого начала. Нужно было просто остаться в каюте, переждать эмоциональный всплеск там. Нужно. Было. Остаться. В каюте.

Пока лифт поднимался, я поймала себя на том, что дрожу. И дело было даже не в том, что управление благоустройством станции просрочило замену климатизаторов, – с температурой здесь все было в порядке.

Дышать стало сложно – воздух словно потяжелел, с трудом проходя процесс фильтрации в моих легких. Я едва сдерживала порыв забиться в угол кабины, сжаться в один непробиваемый панцирь, обхватить себя руками так, чтобы ногти впились в кожу. Чтобы боль привела меня в чувство, чтобы я перестала дрожать, чтобы...

– Как ты себя чувствуешь? – озабоченно спросила незнакомая женщина в комбинезоне техника. – Ты так побледнела...

– Все отлично, спасибо. – Губы растянулись в самоуверенной улыбке, в то время как я пыталась не считать длину своих вдохов. – Я же рыжая, мы бледные от природы.

Женщина улыбнулась в ответ, и я поняла, что получилось. Я же Сионна Вэль, лучший рейнджер на этой гребаной станции. У меня *всегда* все отлично.

И никто не должен в этом усомниться.

Я ухмылялась так, пока женщина не вышла, а затем гримаса сползла с меня, как защитная маска после капсулы с антисептиком. Хотелось привалиться к стене, а то и вообще

осесть на пол, и сидеть так, пока лифт не приедет на мой уровень. Но я помнила, что здесь есть камеры, установленные службой безопасности... И мысль о том, что такую меня, дрожащую и забившуюся в угол, кто-то увидит, заставляла игнорировать эту слабость.

Через двадцать секунд лифт остановился, и панель отъехала, выпуская меня в жилой отсек; я чуть ли не бегом рванула в свою каюту, вытаскивая карточку на ходу. К счастью, код ввелся правильно с первой попытки.

Оказавшись у себя, я забралась под одеяло с головой, даже не переодеваясь. Скрючилась в позе эмбриона, максимально сжавшись, крепко зажмутив глаза и стараясь дышать как можно тише. Минут через десять, когда под одеялом стало невыносимо душно и дрожь от фантомного холода отступила, я вышла обратно.

Зачем мне было ехать в транспортный отдел? Какой в этом смысл? Зачем мне нужна была Эрлин? Какого черта я наравалась на Лиама?

Я поступила необдуманно – и вот результат.

Это снова случилось. Паническая атака.

Если кто-нибудь узнает, что подобное происходит со мной уже второй год, эту информацию внесут в мои медицинские таблицы. Даже такая мелочь, как подверженность паническим атакам, может повлиять на мое положение здесь. Может уничтожить то, над чем я так долго трудилась.

Поэтому никто не должен об этом знать.

Никто не должен...

Никто не...

Я в ужасе посмотрела на старого дроида, служащего подставкой для моих фотоальбомов. Я собирала их уже четыре года, по фотографии из каждого мертвого дома.

«Иди полистай свои фотоальбомчики...»

Что...

Что, черт возьми, происходит?

Единственный *легальный* источник, из которого Лиам мог узнать о моей коллекции, – это регулярно обновляемая база с архивами содержимого, принесенного рейнджерами с Земли. Но доступа к этой базе у него быть не могло. И незаконно получить его он не мог – по понятным причинам у маргиналов проблемы с компьютерами. Да и специально выискивать настолько специфическую вещь – *кто угодно* не додумался бы.

А значит... Меня вновь бросило в холод, но причиной этому была не паническая атака, а совершенно четкое осознание: Лиам был здесь.

В моей комнате.

* * *

В столовой корпуса было почти безлюдно. Станция предсказуемо погрузилась в траур – многие наши пошли к семье Тамины, чтобы выразить соболезнования. Это было даже по-

чти на руку: чем меньше людей, тем выше вероятность, что у меня получится прийти к какому-то решению. По некоторым причинам моя комната больше напоминала место для скорби и сна, чем обитель, где можно спокойно подумать.

Я была поражена открытием и намеревалась узнать, что Лиам делал в моей каюте, кто помог ему взломать код, и если это была Айроуз, то какого черта. Интуиция подсказывала, что разбираться со всем этим нужно аккуратно, не бросаясь обвинениями вперед.

Только вот с чего начать? Об этом интуиция упрямо молчала.

Я взяла себе кружку какао и села за небольшой столик в углу столовой. Это был столик нашей золотой троицы, со знакомыми царапинами и потертостями, с инициалами и дурацкими фразочками, втихоря выведенными на боковом срезе. Вот только уже минул второй год, как обедала за ним я в полном одиночестве. Другие рейнджеры занимали его в самую последнюю очередь. А два года назад, когда *все случилось*, он долгое время пустовал. Все сторонились несчастного столика, словно он был развороченной могилой.

Наверное, что-то подобное произойдет со столиком, за которым со своими друзьями сидела Тамина. Еще одна разрытая могила.

Стоило мне только вспомнить о прошлом, словно в насмешку, ко мне подседа Фирзен. Она ловко перемахнула через лавку, водрузила на стол локти, как не делала уже очень

давно, потрянула неровно стриженной шевелюрой – на этот раз выкрашенной в темно-синий, – и растянула тонкие губы в улыбке. Мое сердце на секунду замедлило ход.

Точно такая же улыбка была у Касса. Острая и тонкая, как игла.

– Здравствуй, Си, – нарочито жизнерадостно сказала Фирзен, пододвигаясь ко мне своими локтями. Ее голос звучал тихо и вкрадчиво. Фирзен заметно повзрослела с того времени, когда мы еще были друзьями. Когда нас связывал ее брат. – Как оно?

– Во-первых, не Си, а Сионна, – сказала я, избавляясь от наваждения. – Во-вторых, тебя правда интересует, как мои дела? Или так, просто позлорадствовать? Я же знаю, что ты в курсе... всего.

Бросив корпус, Фирзен начала карьеру в службе безопасности Четвертой. Насколько мне было известно, она относилась к своей работе с предельной серьезностью. В том числе, девушка была в курсе всех самых непопулярных слухов на станции. Пожалуй, это перебор, но мы привыкли считать, что перестараться в вопросах безопасности – невозможно.

– Я слышала, ты с этим красавчиком-маргиналом сцепилась после сегодняшнего рейда. Твой новый парень?

– Ты несешь какую-то чушь, – отмахнулась я, нехотя поднимая на нее взгляд. – Тамина осталась внизу. Придумай другую причину.

– Да ладно тебе. – Фирзен испытующе прищурилась. – Та-

кой милашка с темным прошлым. Неужели он совсем тебе не нравится?.. А, понимаю. Он же наверняка выбил тебя из топа на симуляциях. *Такое* ты не прощаешь.

– Отцепись от меня с Лиамом, пожалуйста.

«Милашка». Они все слепые, не иначе. Он неспроста здесь. Он неспроста попал в рейнджерский корпус. Неспроста проник в мою комнату.

– Ладно, я же не просто так спросила. Мне нужно было знать. Знать, на кого ты в конечном счете променяла брата. – Фирзен улыбнулась еще раз, словно назло. – Погоди, у тебя же теперь есть этот ученый и эта его мелкая... Тиа?

– Тея.

– Неважно. Нашла себе других брата и сестру, да? Я могу понять все неправильно и обидеться, знаешь ли.

– Слишком поздно, Фирзен, чтобы меня волновали твои обиды, – отчеканила я. – Они перестали... примерно через два месяца безуспешных попыток поговорить с тобой.

Пальцы рук Фирзен отбили по столешнице дробь. Столь громкую, что курсант, сидевший за столиком через весь зал от нас, обернулся на звук. Довольное выражение ее лица переменилось.

– Мне было тяжело. Я не желала ни с кем разговаривать.

– Прошло два года. Теперь не желаю я. – Я уткнулась носом в кружку с какао. – Иди куда шла.

Она надулась и откинулась назад. Стальная брошь в форме числа 23 сверкнула на воротнике ее форменной куртки.

ки. Фирзен и Касс были родом с Двадцать Третьей станции, уничтоженной ящерицами четыре года назад, и сколько я ее знаю, Фирзен носила этот значок как память о своих корнях.

– Никаких больше драк в коридорах, – сурово поджав губы, сказала она. Выполнила обязанность блюстителя порядка. И ушла.

Я проводила ее безразличным взглядом, а затем уставилась в остывающее какао.

Когда-то мы с Фирзен были близкими подругами, а теперь между нами остались только скорбь и обида. Из почвы, выжженной обидой и скорбью, выдержанной временем и сдобренной болью, ничего уже не вырастает.

5

– Приветствую в зале собраний, резиденты Четвертой.

Тон Айроуз от собрания к собранию не менялся. Впрочем, на построениях он был таким же: словно моя тетка хотела быть где угодно, только не здесь, искренне ненавидя каждую секунду на дурацкой сцене. Делать что угодно, только не рассказывать дежурно собравшимся, как нам повезло спастись на станциях, когда случилось Пришествие, и как мы должны ценить это место, и как безропотно должны трудиться на благо человечества, и никогда не забывать, что безопасность – превыше всего.

Сегодняшний повод сбора в центральном зале корпуса

рейнджеров был не столь привычно бессмысленным, как хотелось бы. Я тоже ощущала непреодолимое желание оказать-ся как можно дальше. Но вместо этого отчеканила: «Приветствуем, госпожа лейтенант Айроуз!», влившееся в общий стройный гул голосов. После этого нам дозволено было сесть.

Я скрестила руки на груди, словно это могло как-то защитить меня от того, что Айроуз должна была сказать. Не защитило.

– Тамина Тэрренс служила в корпусе с пятнадцати лет, – начала моя тетка, заложив руки за спину, точно на построен-нии. Усиленный звуковой системой голос словно накрывал аудиторию непроницаемым куполом скорби. – Была верным товарищем для других рейнджеров, не отступалась от зако-нов станции и кодекса, показывала хорошие результаты в де-ле.

Хорошие. Не отличные. Отличные результаты были толь-ко у меня. Айроуз сохраняла предельную четкость в форму-лировках – даже в такой день, как сегодня.

Я нервно усмехнулась.

– Сегодня Тамины Тэрренс с нами нет.

В зале собраний стояла мертвая тишина. Конечно, все знали, о чем будет говорить Айроуз. Я вжалась в твердую спинку стула, мечтая, чтобы эта медленная пытка закончи-лась поскорее. Я не хотела слушать о том, какой Мина была замечательной. Это было слишком.

Потому что это острое, болезненное и до смешного иррациональное чувство вины, жрущее меня который день, никуда не делось.

Я уже много раз говорила себе: «Ты здесь ни при чем, Сионна».

«У Мины была напарница».

«Это Эрлин ее не уберегла».

Тщетно.

Прошло уже три дня, и неизвестно, сколько должно пройти еще, прежде чем я смогу все это отпустить. Если, конечно, я *смогу* это отпустить.

Пока Айроуз на сцене сменял Дэвид Тэрренс, отец Мины, я, воспользовавшись тем, что вряд ли это заметят, соскользнула со своего места в углу зала и, не поднимая головы, свернула к одному из аварийных выходов.

Там меня уже поджидала Тея.

– Сионна, – щербато улыбнулась мне девочка, потряхнув светлыми кудрями. Сестре Сириуса было двенадцать. Она проходила подготовительную стажировку в рейнджерском корпусе и обладала задатками маленького тирана, что в ее возрасте было гораздо лучше, чем комплексы и неуверенность.

– Тея, – хмыкнула я в ответ, присаживаясь рядом под стеночку. Мне повезло, что я была для нее чем-то вроде примера для подражания (девочка разбирается, вот правда). Остальных «взрослых» – для Теи это категория от четырна-

дцати лет – она ни во что не ставила.

– Я слышала, тебя не пустили на прошлый рейд. Что ты сделала? – Глаза Теи светились в ожидании подробностей проступка не мельче мордобоя года.

– О, ничего серьезного. Меня отстранили из-за того, что я взялась испытывать «крылья» твоего брата и никого об этом не предупредила, – пояснила я и, пользуясь своим авторитетом, на всякий случай добавила: – Вообще так делать действительно нельзя. Айроуз беснуется и может отобрать значок.

Тея собиралась через два года подавать заявку в комитет отбора рейнджеров. И ей же самой будет обидно, если провалит вступительный тест из-за проблем с дисциплиной, к чему у нее определенно талант. Как минимум, сейчас она должна была сидеть на уроках, а не пробираться в зал собраний, скорбящий по оставшемуся на Земле рейнджеру.

– М-м-м, – протянула девочка с поскучевшим было лицом, которое внезапно приобрело фирменное бандитское выражение: – К тому времени ты станешь лидером рейнджеров, заключишь брак с Сириусом и на правах родственника будешь меня перед всеми выгораживать. О-ох, вы будете ошеломительно смотреться! Прямо жду не дождусь!

Это был не первый раз, когда Тея с чудесной непосредственностью рассказывала о том, какой мы с Сириусом будем крутой парой. Лучшая из рейнджеров и ведущий разработчик Четвертой. Звучало действительно непло-

хо, если не брать во внимание тот факт, что Сириус не вызывал во мне никаких чувств, кроме платонических... и отчасти меркантильных. Соответственно, для него я тоже была просто подругой-тире-самоотверженным-испытателем-сомнительной-техники.

– Постарайся не сосредотачиваться на ожидании, – со смешком сказала я Тее. – Тогда и время пролетит незаметнее.

Ну не буду же я ей рассказывать, что взрослые заключают брачные союзы не по принципу «ты крут, я великолепен, а не устроить ли нам семью?», правда? Этим не я должна заниматься, а, например, Сириус. Интересно, Тея и его этой темой так донимает?

Когда Тэрренс закончил, его сменил мой отец. Даже из укрытия было выглядывать не обязательно, чтобы убедиться в этом, – я слышала по взрыву аплодисментов, хоть случай и был совсем неподходящий. Папа был единственным членом нашего огрызка семьи, которого здесь все без исключения любили. Ему к лицу были трибуна, форма, лидерство. Он действительно способен был вести за собой людей. Жаль, это не передалось мне по наследству.

Папа сказал несколько слов в поддержку Тэрренсам, потерявшим дочь, и завел свою привычную песню, посвященную тому, как важна безопасность в наше нелегкое время и какие усилия мы должны прилагать, чтобы безопасность соблюдалась на каждом уровне нашей жизни. Слова, слышан-

ные мной уже много раз, превратились в какой-то шумный поток звуков, и я перестала вслушиваться.

– А кем мне будет приходиться твой папа, – начала Тея, мечтательно прикидывая свои перспективы, – когда вы с братом...

Как раз в этот момент к нам присоединился сам Сириус, наконец выбравшийся из дальних рядов, отведенных механикам и инженерам. Тею он поприветствовал несильным тычком в лоб (очаровательный братский жест), на что девочка радостно заехала ему острым локотком в ребра. Сириус, очевидно, привычный к таким проявлениям сестринской любви, лишь слегка поморщился, а затем молча протянул мне нечто крошечное, аккуратно завернутое в отрезок резиновой бумаги.

На мой немой вопрос Сириус загадочно улыбнулся.

– Сменные микросхемы для твоего компьютера. – В этот момент зал проскандировал очередное «безопасность превыше всего» (сидящее уже в печенках), но я прочитала конец фразы по губам Сириуса, и мое сердце забилося чаще.

«Для синхронизации прошивки».

– Ты...

– Так точно. – Было темно, но Сириус сам сиял, как лабораторный светильник. – Вчера вечером Айроуз утвердила результаты испытаний крыльев. С сегодняшнего дня они в арсенале.

Я с трудом подобрала отвисшую челюсть. Сириус сделал

невозможное – убедил в чем-то непреклонную Айроуз. Или же это Айроуз неожиданно смиростивилась, позволив ему себя убедить.

– Оснастить каждую униформу, провести инструктаж и обучение всех рейнджеров до следующей высадки не успеем. Но у тебя-то опыт успешной эксплуатации уже есть, и подкорректировать твой экземпляр я смогу за пару дней...

Задушить Сириуса в объятиях прямо сейчас мне помешало только присутствие явно ожидающей чего-то подобного Теи.

– Впредь можешь испытывать на мне даже *прототипы прототипов*, – растроганно сказала я, прижимая коробочку с микросхемами к груди. Остаток речи мы втроем так и просидели под стеночкой, вполуха слушая моего отца и поедая обнаруженные у Теи в рюкзаке крекеры.

– Сириус. – Я отвела его в сторонку, перед тем как вместе с толпой слушателей покинуть зал. – Мне нужна будет от тебя еще одна услуга.

– Звучит пугающе, зная тебя. – Сириус криво улыбнулся, и я почувствовала: он заранее прикидывает, как помощь мне отразится на его отношениях с Айроуз. – В чем дело?

– Боюсь, будет безопаснее, если я не посвящу тебя в подробности... – Я замаялась, не зная, как это лучше преподнести, и затем, понизив голос, произнесла просто: – Мне нужен глушитель для камер службы безопасности.

– Что?! – Сириус сорвался на шепот, не веря своим ушам.

В эту минуту завибрировал мой персональный компьютер, извещаая о полученном сообщении. – Сионна, ты в своем уме – просить меня о таком? Я...

– Вернемся к этому позже, – нарочито громко прервала я – к нам подскочила явно заинтересованная Тея.

– Секретики? – расплылась в ехидной улыбке девочка. В многозначительной ехидной улыбке.

– Уймись, Галатея, – взмолился Сириус. Между ними завязалась бессмысленная перепалка, что дало мне возможность быстро распрощаться и убежать. Сообщение, пришедшее на персональный компьютер, было от отца. Папа нечасто назначал мне личные встречи. И я слишком дорожила ими, чтобы опаздывать.

«Солнышко, что-то тебя не слышно в последнее время. Зайди в офис. Папа».

И солнышко поспешило на зов, пытаясь игнорировать свое взволнованно колотящееся сердце.

* * *

На капитанском мостике я обнаружила отца позарез занятым. Обнаружила я это в небольшом коридорчике, примыкавшем к огромной комнате с экраном на всю стенку и панелью управления на тысячи кнопок, о назначении которых даже думать не хотелось. С экрана смотрела недовольная морда с лопнувшими в глазах капиллярами – по край-

ней мере, тот глаз, что был мне виден из-за угла, выглядел совсем плачевно.

Я не сразу узнала голос человека, с которым говорил папа, но в этом не было ничего удивительного. Вживую говорящего я видела всего два раза, во время стыковок наших станций. Это был Ридус Лэр, капитан Седьмой.

С Седьмой у Четвертой исторически сложились хорошие отношения. Наши специалисты рассчитывали для них аэродинамику, чтобы станция не свалилась под постоянно увеличивающимся весом военных сооружений; Седьмая, в свою очередь, поставляла нам оружие и свежеразработанные вспомогательные боевые средства. Прототип крыльев, например, тоже пришел с Седьмой, в виде схематичных набросков вместе с Сириусом. Который по стечению обстоятельств также являлся сыном капитана Лэра.

Я пыталась отвергать эту мысль, но, кажется, я подружилась с Сириусом и Теей отчасти из-за того, что у нас отцы заправляют целыми станциями. Солидарность, все дела.

Они перевелись на Четвертую два с лишним года назад: Сириус по обмену специалистами, Тея – за компанию, с дальнейшей перспективой получить специальность рейнджера. Насколько я поняла позже, брат с сестрой попросту сбежали с Седьмой «по семейным обстоятельствам». Мы никогда не обсуждали эту тему, да и не думаю, что ребята делали бы это с большой охотой. Я не настолько любопытна, чтобы доставлять дискомфорт едва ли не единственным на

станции людям, которые меня не бесят.

– Ридус, не глупи, – терпеливо, точно упрямому и не слишком сообразительному ребенку, говорил папа. Недовольное лицо на экране не особо внимало увещаниям. – Ты явно переоцениваешь возможности Седьмой.

– Почему переоцениваю? За последние десять лет мы смогли добиться мощнейшего арсенала вооружений среди станций. Мы практически готовы к наступлениям. Мои стратегии и разведчики почти завершили разработку плана военных действий, и он *грандиозен*... – Ридус остановился; его суровое лицо пылало решимостью: – Самое время нам вернуть то, что у нас отобрали, Вильгельм. Акр за акром, мы отвоюем Землю.

У меня от этих слов голова пошла кругом.

Отвоюем Землю?

Неужели он не шутит? Неужели такое возможно?

– Такие решения не принимаются втайне от остальных станций, – серьезно сказал папа, поднимаясь со своего кресла и опираясь руками на бортик, отделявший его от пульта управления. – И ты знаешь, что остальные не одобряют. Мы только что расслабились, Ридус. Научились жить в сотнях километров над землей. Наладили торговые и дипломатические отношения между собой. Наши дети не готовы к войне. И сама война нам сейчас ни к чему.

У Ридуса Лэра взгляд на ситуацию не поменялся нисколько.

– Подумай еще раз, Вильгельм. Оснащения Седьмой хватит на то, чтобы превратить в обугленные руины целую страну. Некоторые станции *уже* выразили готовность присоединиться к нам, но этого недостаточно. Если ты не поддержишь меня... – он поджал и без того тонкие губы, – в следующий раз я буду не столь дипломатичен.

– Ридус, что за муха тебя укусила? – с силой ударив по бортику, прорычал отец. – Проверь терморегуляторы, а то ты, похоже, перегрелся. Угрожать другой станции – ты в своем уме?

– Конец связи, – сухо сказал Ридус и отключился.

Отец замер, опустил взгляд на тысячи кнопок, и был в явном шоке от количества проблем, записавшихся только что на счет Четвертой.

– Привет, пап, – громко сказала я, прежде чем он сам заметил, что я подслушиваю.

Он обернулся. Усталое лицо при виде меня просияло, и радостная улыбка, адресованная лично мне, согрела все внутри.

– Моя девочка! Ты подросла с прошлой нашей встречи.

«Ты бы не замечал, как я расту, если бы мы хотя бы виделись чаще», – едва не вырвалось у меня, но я прикусила язык и расплылась в ответной улыбке. В первую очередь, я была очень рада его видеть. Не на трибуне. Не издалека.

– Извини, если вопрос слишком неожиданный, – замялся отец. – Но... как у тебя дела с Сириусом?

Сначала мне показалось, что я ослышалась, но довольно быстро дошло, что папа действительно это спросил. Учитывая свежеподслушанную информацию, вопрос обретал вполне четкий контекст. Проникнувшись им, я от души расхохоталась.

– Серьезно? *Как у меня дела с Сириусом?* У нас сейчас что, суровое Средневековье, где принцессу выдают за принца соседнего королевства в надежде, что это отсрочит войну на пару лет?

– Ты все слышала, – грустно констатировал отец.

– Слышала. И прекрасно понимаю, почему Сириус с Теей к нам тогда сбежали. Ридус же спятил. И страдает наклонностями тирана.

Часть из которых передалась маленькой Тее.

Папа тяжело опустился в кресло, переплетя пальцы. В нем было под два метра роста, силы, как у двух опытных рейнджеров, интеллекта, как у Сириуса в режиме без кофеина, и достаточно харизмы, чтобы вести за собой тысячи свободных землян Четвертой. Вот почему мне было непривычно видеть его таким растерянным. И немного страшно.

– И что мне с этим делать? – спросил он.

«Эй, папа, – хотелось сказать мне. – Вспомни. Я – пусть и самый лучший в истории Четвертой – обычный рейнджер, которому твоя верная Айроуз постоянно подрезает крылышки. Ты тут главный. Откуда мне знать, как тебе совладать с нашими неадекватными союзниками?»

Но я чувствовала себя слишком польщенной, чтобы отвечать так. Плюс действительно слишком соскучилась, чтобы язвить и насмехаться.

– Ищи варианты усмирить боевой пыл Ридуса. Свяжись с другими станциями. Зашли шпиона, чтобы расхреначил Седьмой пару блоков в их сверхмощных двигателях. Им придется сбросить несколько тонн, а это уйма вооружения. Может, желание повоевать тоже отпустит.

– Моя дочь только что сказала «расхреначил»? – удивленно поднял брови папа.

– Ты меня вообще слышал? – Я нахмурилась.

Меня страшно бесило, когда папа с Айроуз вдруг вспоминали о том, что они мои родственники, и пытались воспитывать. Это было так же глупо и бессмысленно, как пытаться добежать до места сбора после остановки таймера, не в силах просто уяснить себе раз и навсегда: ты опоздал.

Кажется, папа тоже подумал о чем-то подобном, и на его лице промелькнуло сожаление.

Простите, Вильгельм Вэль, но невозможно быть хорошим отцом и хорошим капитаном одновременно.

– Да, милая, – сказал он и улыбнулся мне, как будто только что между нами не было этого напряженного момента. – Спасибо за идею, она звучит... здраво. Я еще подумаю, что мы можем предпринять, ничего не испортив.

Это означало, что мой вариант его не устроил. Ладно, надеюсь, его дипломатические склонности не вылезут боком

всей Четвертой.

– Зачем ты хотел меня видеть? – напомнила я.

– Вообще я соскучился. А еще... хотел обсудить с тобой твой следующий рейд.

Ну конечно.

– А что, у Айроуз язык отвалился? – хмуро осведомилась я. – Она обычно справляется с этой задачей самостоятельно.

– Именно поэтому будет лучше, если это сделаю я. Лично.

– Да что уже там?

– Код 14.

Код 14 – обозначение из устава рейнджеров. *Плохо сканируемая зона*. При наведении на нее сканеры беснуются и вместо четких «да» и «нет» по каждому интересующему пункту выдают вероятности. 15 процентов, что в этой зоне закопаны артефакты ящериц. 47 процентов, что в зоне бродят маргиналы.

Станции обычно не останавливаются над такими зонами, но иногда бывают исключения. Следствием одного из таких исключений стало присутствие на Четвертой Лиамы и вся моя головная боль, связанная с этим фактом.

– И что, что код 14? Стрелять я умею, бегать тоже, бегать и стрелять одновременно – без проблем. Я проходила симуляции боя даже на самых сложных настройках. Не думаю, что с реальными объектами сложнее.

Отец не счел это достаточно убедительным.

– Я бы хотел попросить тебя быть осторожной, пока ты

внизу.

– Я в курсе, что надо быть осторожной, – отрезала я и, следуя интуитивной необходимости смягчить фразу, добавила уже тише: – Папа.

– Не пойми меня неправильно, солнышко, но твой последний эксперимент с крыльями... Ты могла покалечиться или даже погибнуть. Твои решения порой выглядят слишком безрассудно.

– У меня все было под контролем, – парировала я, чувствуя, что начинаю злиться. – И вообще, уже несколько месяцев прошло с той высадки. Не многовато ли на подготовку к такому серьезному разговору?

– Сионна, прекрати.

– Нет, в самом деле, за кого вы с Айроуз меня принимаете? Разве недостаточно того, что я ушла от вас в шестнадцать лет, месяцами помирала на тренировках, чтобы пробиться в рейнджеры, забралась на верх рейтинга и как-то умудрилась не убить себя при этом? Может, ты уже признаешь, что я неплохо справляюсь? Что мне не нужны воспитательные беседы и забота, которой и близко не наблюдалось, когда она была мне нужна?

Я остановилась, потому что у меня закончился воздух. Лицо точно пылало. Ноги непроизвольно переместились как в боевой стойке, словно я собралась отражать готовые посыпаться на меня удары. Но их не последовало.

– Сионна. – Голос отца прозвучал совсем удрученно. Как

будто ему только что от души проехали по каждой большой мозоли. В общем-то, так и было. Я попыталась загладить свою вину:

– Пап. Я буду осторожна. Ничего не случится. Обещаю.
Выражение его лица смягчилось.

– Я знаю. – Отец запустил руку в отросшую с нашей последней встречи шевелюру – такую же рыжую и кудрявую, как моя. – Солнышко, не хотела бы ты... не могла бы ты в порядке эксперимента, которые ты так любишь, на следующий рейд отправиться в паре?

– Нет, – выпалила я, радуясь в душе, что тема с семейных разборок соскочила на что-то другое. Пусть и не менее неприятное. – Плавали, знаем. Мне не нужны напарники. Они тормозят весь процесс.

– На самом деле, это не совсем просьба. Айроуз сказала, что это необходимое условие для твоего допуска... в противном случае она собирается продвигаться в санкциях относительно тебя и дальше.

Отлично. Папа вызвал меня сюда, чтобы передать волю этой... этой жестокой и злой женщины, по недоразумению оказавшейся моей теткой. Она же знает, что я работаю одна!

Первым порывом было немедленно удалиться, выловить из толпы Айроуз и подробно, не стесняясь в выражениях, рассказать, что я думаю о ней, ее методах организации процесса, идее поставить меня с кем-то в пару и, в частности, о подходе, при котором я узнаю о спуске за неделю из тре-

тых уст. Но я довольно быстро сообразила, что это повлечет последствия. Как минимум – еще два унылых месяца в этой иридиевой коробке.

Я не была уверена, что готова к такому.

– Ладно, – выдохнула я. – Хорошо. В следующий рейд я возьму напарника. Только один раз, чтобы доказать вам с Айроуз, что я большая девочка и компания мне ни к чему.

При желании я могла бы попытаться. Жалобно спросить отца: «Неужели ты совсем ничего с этим не можешь сделать?» и сыграть на том, что он на Четвертой самый главный, а я – его единственная дочь. Только я уже определилась со своей дорожкой в этой жизни.

Мои поступки – моя ответственность, как бы это порой ни раздражало.

– Вот и здорово, – обрадовался отец моей внезапной покладистости. – На самом деле, Айроуз сообщила, что уже подобрала для тебя подходящую кандидатуру. Парень не слишком опытный, у него только один рейд за спиной, но показатели неплохие, обузой тебе, судя по всему, он не станет... Только как его зовут, подзабыл.

Ничего страшного, папа, что ты забыл.

Я уже прекрасно знала имя этого идеального кандидата.

И мне пришлось приложить нечеловеческие усилия, чтобы не взвыть в голос.

– Слева! – Крик Лиама, резко вспыхнувший в левом наушнике, на мгновение меня оглушил. Еще один минус парных симуляций был в том, что приходилось держать с напарником связь – через такие ужасные динамики.

Но пока было не до этого: пришлось крутануться на подошвах, отбивая летящий в меня снаряд силовым щитом. Плечо приятно загудело от удара, хоть он был ненастоящим и физически ощутимым только в моем настроенном на симуляцию восприятии.

– Без тебя вижу! – злобно рявкнула я, надеясь, что в паре наушников Лиама динамики такие же.

Это было правдой – я действительно видела этот несчастный снаряд. А теперь все выглядело так, словно без его подсказки пропустила бы удар. Судя по мерзкой улыбке, появившейся у Лиама на лице, на это он и рассчитывал.

– Неужели? Твой инженер что, смастерил тебе синтетические глаза на затылке?

– Синтетикой у нас занимаются не инженеры, глупый ты варвар! – Я нырнула под сваленное дерево, чтобы спрятаться от преследователей и дать своему щиту восстановиться.

– Значит, не смастерил? – Голос Лиама, ни капли не обиженного на «варвара», зазвучал вкрадчиво, что различалось даже сквозь помехи в эфире. – Не волнуйся, я обяза-

тельно предупрежу, если в тебя полетит *еще* что-нибудь.

Очень жаль, что мы были на парной симуляции и побить его я не могла, — это сказалось бы на наших баллах.

Это была уже третья совместная тренировка. И на самом деле все складывалось не так плохо, как можно было бы подумать, застав наши перепалки.

Вопреки моим мрачным прогнозам, мы с Лиамом прекрасно выживали под обстрелами виртуальных маргиналов, переносили забеги в зимних условиях, сражались врукопашную с ящерицами и дезертировавшими рейнджерами (голограммами с нашими характеристиками). Результаты совместимости, как и полагала Айроуз, оказались довольно высокими.

Иногда мне казалось, что она специально подбирала Лиаму мне в напарники. Поговорить об этом не получалось; в большой степени из-за того, что я все еще делала вид, будто нет у меня никакой тетки. Видимо, Айроуз тоже было удобно притворяться, что ее племянницы в природе не существует.

Успехи на симуляциях, конечно же, вовсе не означали, что я подружилась с этим маргиналом. Я допускала, что, возможно, это было бы не так нереально. Не будь он любимчиком Айроуз, не прогрессируй он так быстро и не превосходи некоторые мои рекорды на симуляциях. И не будь я уверена, что он залезал в мою комнату без всяких на то адекватных причин. А еще... Ему все давалось как-то слишком, подчеркнуто легко, а простить такое мне было сложно кому

удогно. Фирзен тогда знала, о чем говорила.

– О чем задумалась? – фыркнул в наушнике Лиам, увернувшись от лазерной дробы. Высунувшись из укрытия, я подставила перезарядившийся щит и отразила срикошетивший от дерева снаряд. Двое ящеров подбирались к нам все ближе и палили все агрессивнее, оставляя ненастоящие дыры в ненастоящих деревьях и выбивая выстрелами ненастоящие искры из ненастоящих камней.

Я перекатилась между двумя кочками, достаточно высокими для укрытия, высунулась и едва не потеряла десяток баллов – следующая порция виртуальной лазерной дробы пришлась чуть левее моей головы. Я спряталась обратно, стараясь не думать, что было бы, происходи это не на симуляции, а в реальном мире.

Раздосадованный возглас Лиам где-то впереди вывел меня из ступора и дал понять, что он только что лишился своего щита. Надо было заканчивать.

– Лиам! – заорала я парню, которого две ящерицы уже почти оттеснили к обозримому краю платформы. И когда он повернулся в мою сторону, швырнула в него свой щит.

Крутанувшись и легко перехватив щит на лету, Лиам метнул его в приближающуюся фигуру. От удара та рассыпалась на простые кубы, из которых выстраивался виртуальный мир суперматерии, а щит, отскочив, снес голову второму противнику. Это добавило нам последние десять баллов.

Прозвучал сигнал, означающий, что симуляция заверше-

на. Голограмма начала постепенно пропадать: цифровой лес с тревожно поющими птицами растворялся в воздухе слой за слоем, текстура за текстурой, открывая обычные голые стены, потолок с идентификаторами движения и платформу с суперматерией, принимающей спокойное положение.

После погружающей сыворотки, позволявшей мозгу воспринимать элементы голограммы как реальные объекты, у меня всегда побаливала голова. Сегодняшняя тренировка была не исключением. Я стянула с себя специальные очки и привычно помассировала виски – ума не приложу, как выработалась эта привычка, учитывая, что такой массаж еще ни разу не помог.

Мы побрели к лавкам за полотенцами.

– Тебе к лицу быть уставшей, – довольно сказал Лиам, беря свое и накидывая на плечи. Его черные волосы взмокли и прилипли ко лбу, а зрачки были сильно расширены – как у любого новичка, еще не привыкшего к погружающей сыворотке. Наверное, еще и во сне ходить начал, как девяносто процентов начинающих рейнджеров после первых порций стимулирующих мозг химикатов.

Жаль, станция была не на паровом ходу. Тогда у него был бы шанс во время ночных блужданий свалиться в паровой котел, разом сделав мою жизнь лучше.

– А тебе к лицу кровоподтеки, – фыркнула я, подхватывая свое полотенце и вытирая со лба выступивший пот.

Я не забыла наш разговор в тот день, когда Тамина оста-

лась на Земле, и каждый раз, когда Лиам пытался дружески шутить и любезничать, у меня в ушах зацикленно звучало все, что он наговорил мне, вжатой в стеночку транспортного отдела. Одного воспоминания хватало, чтобы подбросить в огонь неприязни больше таблеток твердого воспламенителя.

— Никак не привыкну к тому, что симуляция делает с мозгом, — покачал головой Лиам, почему-то оставивший мою колкость без ответа. — Реальный мир после этого кажется таким... ненастоящим.

Я с недоумением посмотрела на парня. Вот и сейчас. Чего он ждал от меня? Сочувствия? Объяснений принципа работы сыворотки? Или того, что я сделаю шаг навстречу, чтобы завязать этот разговор?

Все внутри меня наполнилось отвращением к этому лицемеру. Усталость почти не чувствовалась.

Хотелось высказать ему все. Что он маргинал, которого даже лучшие психологи Одиннадцатой починить не в силах. Что он фальшив насквозь, и я вижу это, и лишь вопрос времени, чтобы это увидели остальные. Что он может сколько угодно быть милым и дружелюбным, но я знаю, кто он такой на самом деле. Что я выведу его на чистую воду. Что у меня есть план, и я собираюсь реализовать его в ближайшее время, и тогда он вылетит с Четвертой быстрее, чем сжатый в вакууме пакет с отбросами.

Но зачем же все портить?

Я сдержалась. Но и за светскими разговорами ни о чем он

обратился не по адресу.

– Увидимся позже, – пробормотала я и поспешила покинуть зал симуляции.

* * *

В лаборатории всегда пахло горелыми проводами. И неважно, сколько времени с генеральной чистки проходило – день или месяц. Без запаха горелых проводов, без гудения охладителей воздуха и без Сириуса, вечно погруженного в какой-то процесс за своим заваленным хламом столом, я этой лаборатории уже не представляла.

– Как твоя тренировка с Лиамом? – поинтересовался Сириус, глядя на меня поверх прямоугольных стеклышек своих очков.

– «Как твоё самочувствие, Сионна? Не устала ли ты, Сионна?» Зачем сразу упоминать Лиам? – демонстративно скривилась я, сметая со стола мусор, чтобы освободить место на краю и усесться там. Все самые важные сделки с Сириусом я заключала, сидя на этом краю. – А вообще, все нормально, наверное.

– Звучит... очень многообещающе, – заметил Сириус.

– Только не говори, что ревнуешь, – хохотнула я, страхи-вая с рук оцепенение после погружающей сыворотки.

– Только не говори, что есть повод, – расплылся в улыбке он и тут же смутился, как бывало каждый раз, когда у него

получалась более-менее удачная шутка. Я находила это милым.

– На самом деле, правда, все происходит довольно сносно. Надо отдать должное Айроуз, у меня с этим маргиналом действительно хорошая совместимость. Будь этот ваш Лиам немым и не таким заносчивым – цены бы ему не было. *Как напарнику*. Раз уж одну погулять не пускают.

– Ясно. – Сириус оперся рукой на столешницу, где аккуратными стопками лежали чертежи для еще ряда прототипов, которые мне предстояло испытать в будущем. А пока он протягивал мне небольшую синюю коробочку. – То, о чем ты просила. Я не хочу знать, зачем это тебе, поэтому, умоляю, избавь меня от подробностей. Просто... будь осторожной, что бы ты там ни задумала.

– Спасибо, спасибо! – Я просияла, взяв коробочку, и быстро спрятала ее в карман толстовки.

Сириус пожал плечами, мол, не хочу ничего об этом больше знать, и, просто ради того, чтобы сменить тему, произнес:

– Рад слышать, что вы поладили. Ну, с Лиамом.

– Кто говорил, что мы *поладили*? – вспыхнула я.

Если бы ты знал, Сириус.

– Мы просто... не мешаем друг другу жить. Этого явно недостаточно, чтобы жать руки и обмениваться браслетиками дружбы.

– Обмениваться браслетиками? – протянул Сириус каким-то совершенно неестественным для себя голосом. – Ду-

маешь, Лиам, э-э-э, любит браслетики?

– Думаю, ты сегодня либо с лестницы свалился головой вниз, либо надыхался какой-то дрянью в химической лаборатории, – нахмурилась я. – Судя по твоим вопросам. Какое, к черту, «любит браслетики», Сириус?

Он не ответил, уставившись в свои бумаги и как-то неловко барабанил пальцами по поверхности стола.

– Что-то случилось? – чуть мягче спросила я. – У тебя есть для меня что-то еще, или ты просто предпочитаешь обсуждать никому не нужного Лиама вместо того, чтобы совершенствовать обмундирование лучшего рейнджера Четвертой?

Сириус замялся.

– Вообще-то... я как раз пытался подвести к этому... – Какое-то время он старательно избегал встречи с моим вопросительным взглядом, а когда наконец пересилил себя, вид у него был разнесчастный. Внутри меня все напряглось.

– Подвести к чему? – осторожно спросила я.

Он вздохнул и снял очки.

– Айроуз сказала мне оснастить крыльями костюм Лиама.

– Как и костюмы всех остальных? – уточнила я. – Через огромный промежуток времени, когда будут улажены все вопросы с комитетом безопасности?

– Нет, Сионна. К следующей высадке.

Мне показалось, что я ослышалась. Черт возьми, да лучше бы я совсем оглохла. Крылья были чем-то пока только

«моим», я гордилась своими полетами и дорожила ими. И одно дело, когда устройство получают в обращение сразу все рейнджеры, потому что в этом — конечная цель, и совсем другое...

— Какого черта? — Я вскочила на ноги, уязвленная и раздраженная до предела. — Айроуз совсем спятила? Идет против своих же правил? Лиам не испытывал крыльев, он не знает, как с ними управляться...

— Как бы там ни было, в этом есть рациональное зерно, — попытался утихомирить меня Сириус. — Поскольку вы теперь напарники, разумнее будет уравнивать возможности ваших спецкостюмов...

— К черту, Сириус! — заорала я и, не найдя лучшего способа выразить эмоции, со всей силы долбанула рукой по столешнице. Стопка бумаг подскочила, пара ручек скатилась на пол, а кулак загудел от боли. Облегчение не пришло. — К черту рациональное зерно!

Почти минуту мы провели в полном молчании. Я озлобленно сопела, перебарывая порыв разнести лабораторию вместе со слабохарактерным Сириусом и всеми его чудесными прототипами, монополию на которые у меня так бесцеремонно отбирали. Сириус с опаской поглядывал на меня, морально готовясь к чему-то подобному.

Черт. Черт, Айроуз.

Зачем тебе медленно, по кусочкам уничтожать мою жизнь через этого выскочку Лиам?

Почему бы тебе просто не разжаловать меня?

Почему бы тебе просто не придушить меня подушкой, пока я сплю?

Или отправить его в мою комнату снова, чтобы это сделал он?

– Ты не сделаешь этого. – Я подняла взгляд на Сириуса. Он лишь сокрушенно покачал головой.

– Айроуз предупредила меня, что в этом случае последует. Меня депортируют обратно на Седьмую.

– С какой стати? – Ситуация теряла последние крупницы адекватности. – Айроуз может думать себе что угодно, но она здесь не главная. Отец *конечно же* не допустит твоей депортации!

– Уже допустил. – Сириус грустно извлек из-под груды бумаг указ – прямоугольную карточку с кратким изложением сути, на которой засохла, впитавшись в серые поры, оранжевая печать с четверкой. Принадлежавшая моему отцу.

«За нарушение прямых приказов», «мера пресечения», «депортация на Седьмую станцию»... Читать дальше текст утвержденного приказа не имело смысла. Айроуз постаралась, уверена. Решила подстраховаться. Наверняка подсунула отцу эту бумажку с ворохом других, менее важных, вот он и не заметил. Но все равно...

Я чувствовала себя преданной.

– Это какое-то недоразумение, Сириус.

Мой голос прозвучал настолько жалко, что, испытав к се-

бе презрение, я больно прикусила губу.

– Прости, Сионна, – покачал головой Сириус. – Я не могу отказаться. Должен выполнять требования. Я пообещал Айроуз. Я не хочу возвращаться на Седьмую. Мне поступил приказ подготовить еще один экземпляр и провести базовый инструктаж до следующей остановки Четвертой.

Каждая его фраза словно вбивала нож мне в ребра. Серию ударов завершил финальный, и я была мертва.

– У Лиама тоже будут крылья.

7

Ослепительный свет пробивался сквозь тонкие кроны деревьев этого полумертвого леса. Мы лежали на пожухлой траве, подставляя лица неестественному теплу. Там, где над нами должно было находиться солнце, висела странная, незнакомая мне планета. Крупная, покрытая пятнами кратеров и морей и точно налитая кровью, она окрашивала все вокруг в теплые оттенки оранжевого.

Смотреть на нее было больно.

– Что это? – спросила я, повернув голову влево и привычно залюбовавшись точеным профилем Касса. Услышав мой голос, он открыл глаза и тут же прищурился.

– Судя по тому, как оно жжется, это солнце. Возможно, из какой-то другой системы. Но в том, что это именно солнце, я уверен.

Какому-то из миров в нашей бесконечной вселенной не повезло. Такое жуткое солнце. Может быть, оно освещало планеты ящериц? Может, оно было слишком палящим, слишком немилосердным, слишком недружелюбным, – и поэтому они отправились завоевывать наш мир? Поэтому они украли у нас Землю? *Наше* солнце?

– Не хмурься, Сионна, – рассмеялся Касс, не отрывая взгляда от неба; видимо, периферийным зрением заметил, что я погрузилась в невеселые мысли. Я не успела ответить – небо начало крошиться на нас, опадая белыми кусочками. При соприкосновении с моей кожей они таяли. Некоторые – бесследно. Некоторые – оставляя крохотные капельки. Я вспомнила, как это называется.

Снежинки. Снег. Зима.

– Разве в такое время года может идти снег? – Это противоречило знаниям, почерпнутым мною из книг о Земле задолго до Пришествия. Когда понятие климата для людей было чем-то неизменным, неисправимым, тем, с чем приходится мириться.

– Это же симуляция, – фыркнул Касс. – Суперматерия работает так, как ее запрограммировали. Обычно явления в коде соответствуют правильным временам года, но сегодня, видимо, особенный день и что-то сломалось. Нам с тобой просто невероятно повезло лицезреть результат работы неправильного кода: снег в тридцатиградусную жару, порожденную чужим для нас солнцем. Даже на Земле – свободной

Земле – такого не было.

Его голос – его идеальный голос, чуть хриплый, как будто после сна, – был просто создан для того, чтобы его слушать. Касс обладал свойством говорить об обычных вещах несколько высокопарно, и поначалу это меня раздражало. Но, познакомившись с ним ближе, я узнала, что он учил язык по викторианским романам; пазл сложился, и я полюбила эту его особенность. Я улыбнулась и нащупала его руку.

Наши пальцы переплелись.

Мы часто ходили в зал симуляций по ночам, когда вся станция спала. Касс рассказывал, что во времена совсем далекие у влюбленных существовала традиция смотреть на звезды. Мы не совсем понимали ее смысл, но лежать здесь, умиротворенно созерцая возможности суперматерии, было... очень уютно. В такие часы я забывала обо всем, что привязывало меня к замкнутому мирку Четвертой. И оказывалась в совершенно другом мире – который, если бы он вправду существовал, мне хотелось бы считать своим домом.

Забвение рассеивалось, только когда мы выходили из зала и я встречала многозначительно ухмыляющуюся рожу дежурного, которого Касс регулярно подкупал ради несанкционированного пропуска на симуляции. На четвертый раз, когда терпение лопнуло, я прямо спросила у дежурного, чего он вылупился. Парень ответил совсем уж сальной ухмылкой, на которую Касс с презрением заявил, что некоторые люди просто рождаются идиотами, и ценность настоящих чувств

им никогда своим скудным умишком не постичь.

И только тогда я поняла, почему этот дежурный так ухмылялся. Но покраснела не из-за этих глупостей, а потому, что в ту минуту поняла кое-что еще. От этого понимания в моей грудной клетке словно разлилось обжигающе приятное тепло, воссоздать которое не способна даже самая продуманная симуляция.

– Я ведь по жизни счастливчик, ты знаешь, Сионна, – продолжал Касс, глядя куда-то вверх. Голографические снежинки мягко опускались на его лицо и тут же таяли, не оставляя и следа. – Я же перевелся к вам всего за несколько месяцев до того, как ящерицы уничтожили Двадцать Третью. Останься я там – и мы бы с тобой сейчас не лежали среди ночи в зале симуляций, открывая новые и новые возможности этой странной суперматерии.

– Касс... – Почему-то мне захотелось произнести его имя вслух. – Касс, я...

– Ты – еще одно подтверждение тому, какой я удачливый ублюдок, – улыбнулся он. – Мы с Фирзен не справились бы без твоей поддержки. Ты стала для нас семьей – взамен той семьи, которую мы потеряли вместе с Двадцать Третьей. А для меня...

Мое сердце пропустило удар. Касс опять закрыл глаза. Крыло его длинного прямого носа, которое я могла видеть, тяжело вздымалось на каждом вдохе, словно ему не хватало воздуха. Я не успела подумать, что что-то не так, – это про-

длилось всего несколько секунд, после чего дыхание Касса выровнялось, и он снова заговорил:

– Я уже начал планировать наше будущее, Сионна. Как мы с тобой наберемся достаточно опыта здесь и переведемся на Восьмую. Как вызовемся добровольцами испытывать межпланетные челноки, способные доставить нас в марсианские колонии. Как мы покинем эту несчастную планету и как хорошо нам будет вместе в нашей марсианской квартире, или норе, или что там у них... Если, конечно, колонии не были уничтожены... Наверное, я надоел тебе со всей этой глупой болтовней.

Я хотела возразить ему (как, как такое может надоест?), но не успела.

– Только вот один раз, – улыбаясь, сказал Касс и наконец повернулся ко мне, – один раз мне все-таки не повезло.

Левая часть его лица отсутствовала.

На меня смотрела темнеющая пустая глазница, а вокруг нее собралось какое-то омерзительное кровавое месиво, оголенная челюсть и – осколки стекла, намертво впившиеся в кость.

Время остановилось. Я видела только снежинки. Снежинки, опускавшиеся на ошметки лица, не превращались в капельки и не исчезали бесследно. Они оставались снежинками.

Потому что эта сторона Касса давно остыла.

Ледяная ладонь залепила мне рот. Я в ужасе разверну-

лась – справа от меня лежал Лиам, в полном рейнджерском обмундировании, со своей паскудной ухмылкой на лице.

– Какая же ты эгоистка, Сионна Вэль, – прошипел он.

И наконец-то сон отпустил меня.

* * *

Я рывком поднялась на локтях и увидела... свою тетку. Но это не было другим кошмаром, созданным из горечи прошлого и страхов настоящего.

Это была нелепая реальность.

– Пришла задушить меня подушкой? – спросонья спросила я, все еще держа в памяти сегодняшний разговор с Сириусом. – Почему только сейчас?

Айроуз со вздохом закатила глаза и, подвинув край одеяла, свисающий с постели, присела рядом.

– Буду кричать, – не меняя выражения лица, предупредила я.

Увы, у нее давно выработался иммунитет к моему юмору. Может, оно и к лучшему. Человека, находящего твои шутки смешными, как ни крути, воспринимаешь в хорошем свете. С Айроуз, создавшей мне больше проблем за последние месяцы, чем жизни удавалось за почти двадцать лет, никакой оттепели в отношениях я не хотела.

– Нам надо поговорить, – тихо произнесла Айроуз. То, как пренебрежительно она при этом оглядела мои забитые до от-

каза стеллажи, незакрывающиеся отсеки и, в особенности, старенького дрона с игрушками и фотоальбомами, трясшегося на неверных ножках в углу комнаты, вызвало во мне волну негодования.

Может, мне попытаться придумишь подушкой ее?

Она же так нарывается.

– Ты непоследовательна. – Вместо покушения на убийство я села, чувствуя, что все еще дрожу; а мне казалось, я научилась нормально реагировать на дурные сны. – Сначала угрожаешь исключить меня из рейнджеров, затем позволяешь какому-то маргиналу воровать мои симуляции, потом делаешь его моим напарником и ставишь несправедливые ультиматумы моему инженеру. И наконец приходишь в мою каюту среди ночи, чтобы поговорить? Как ты вообще дослужилась до своей должности?

Зачем бы Айроуз ни пришла, соблюдения субординации здесь она не дождетсЯ. Моя комната – моя территория, поэтому и язык у меня был развязан.

– Насчет депортации Сириуса – это вообще десять из десяти.

– Никто не собирался депортировать такой ценный кадр на Седьмую, – ухмыльнулась Айроуз, поудобнее располагаясь на моей койке. – Мне нужно было, чтобы костюм Лиама оснастили крыльями до следующей высадки. Сириусу нужен был рычаг давления, чтобы он поставил прямой приказ выше самолюбия своей подружки. Вот и все.

Ну и змея.

– Ладно, к твоему карьерному взлету вопросов больше нет. Зачем ты пришла? Четыре утра, – я кивнула на старые циферблатные часы, примостившиеся на одной из полок в тесном соседстве с книгами. – Для сказки на ночь слегка поздновато, тетушка.

Айроуз опять закатила глаза, обхватила сомкнутыми ладонями тощую коленку и пристально посмотрела на меня, чуть склонив голову набок. Только теперь я заметила, насколько уставшей она выглядела. Не то чтобы я когда-то видела Айроуз пышущей жизнью... Но в белом свете ламп мешки под ее глазами казались совсем черными, а шрам – еще более пористым и уродливым.

Интересно, это из-за шрама Айроуз стала такой холодной, эмоционально скупой и расчетливой? На единственной сохранившейся распечатке фото, где им с мамой по двенадцать, моя тетка улыбалась так, словно впереди ей предстояла долгая и счастливая жизнь. Гибель сестры-близняшки и уродство на все лицо как издевательское напоминание об этой трагедии слабо сочетались с понятием «счастье». Неудивительно, что из всех видов улыбок у Айроуз остались только горькие усмешки.

– Сионна, я здесь не за тем, чтобы с тобой ссориться. – Она кашлянула, серьезно глядя на меня. – У нас... у Четвертой проблемы. Ридус Лэр связался с твоим отцом час назад. Он требует, чтобы при следующей стыковке ты перебралась

на Седьмую.

– Что? – Спросонья этот бред звучал в десятки раз бредовее. – Зачем я нужна на Седьмой?

– Официально – для того, чтобы помогать в обучении новых поколений рейнджеров, – Айроуз фыркнула, словно показывая оценку моим педагогическим способностям. – Но, по сути, ты будешь заложником. Небольшой гарантией, что Четвертая не восстанет против Седьмой, когда все станет... серьезнее.

– Но это же... какой-то абсурд, – пробормотала я.

Мне вспомнилось лицо на экране, глаза с лопнувшими капиллярами и слегка маниакальный тон Ридуса Лэра, когда он говорил о своих планах отвоевания Земли.

Ладно. Абсурд – в данном случае не аргумент.

Айроуз молчала, словно специально давая мне время осознать и обдумать серьезность происходящего. Я почти ненавидела ее за это молчание. Я хотела услышать, что все в порядке, что этот вопрос решают, что отец предложит Лэру что-то другое, и мне не надо будет перебираться на Седьмую... Я хотела услышать от нее *решение*.

Потому что сама не знала, что мне делать.

– И... когда, по текущим прогнозам, должно стать *совсем плохо*?

Айроуз поджала губы, явно не желая делиться засекреченной информацией, но я посмотрела на нее так, чтобы она поняла: без этого разговор закончится прямо сейчас.

– Наш информатор, – нехотя сказала она, – ясно дал понять, что Седьмая ведет активную подготовку к атакам на анклавы Северной Америки. В следующем году их уже ничто сдерживать не будет.

Черт. Черт. Дыши, Сионна.

Значит, у нас *все-таки* есть информатор на Седьмой. А отец еще так наивно глазами захлопал на мое предложение завести там шпиона... Просто великолепно. Я сменила положение, упершись спиной в стенку над изголовьем.

– Как насчет варианта, когда Четвертая игнорирует все глупые военные притязания Седьмой и закрывает глаза на ее великие походы против ящериц? – спросила я, складывая руки на груди.

– Не рассматривается, – покачала головой Айроуз. – Твой отец дружил с Ридусом в детстве. Связь между ними слишком крепкая, чтобы можно было разорвать ее без последствий.

– Что ты имеешь в виду? – нахмурилась я.

Айроуз прикрыла глаза на мгновение.

– Либо мы поддержим Седьмую в ее глупых военных притязаниях, либо она направит свои орудия против нас. Твой отец, в случае чего, готов ответить агрессией на агрессию, но и Ридус, при всем своем безумии, не дурак. Поэтому он и хочет видеть на Седьмой тебя.

Внутри меня все похолодело.

– А если откажусь? – Я не узнавала собственный голос.

– Это не просьба, Сионна. Ридус Лэр выдвинул нам ультиматум.

Несколько секунд эти слова просто висели в воздухе.

– Айроуз.

– Что, Сионна?

– Мне страшно.

Айроуз обняла меня. Я... привычная к ее постоянным взбучкам, строгости и железному тону, я не ожидала, что она окажется такой хрупкой. Я подумала о том, что примерно так меня могла бы обнимать моя мама. Возможно, чуть нежнее, чем тетка, посвятившая свою жизнь корпусу.

...Возможно, мама гладила бы меня по волосам.

Но мамы у меня не было. Только Айроуз, моя жизнь, построенная и налаженная с таким трудом, и то, что начало медленно пожирать ее у меня на глазах.

И только тогда, только вспомнив об этом, я обняла Айроуз в ответ.

8

Было что-то удивительное в том, чтобы держать этот альбом в руках сейчас. К моему огорчению, бледно-зеленая картонная обложка немного выцвела, а страницы пошли волнами; все-таки наши регуляторы влажностей и температур были разработаны для того, чтобы обеспечивать хорошее самочувствие людям, а не книгам. И не бумажным фотоальбо-

мам.

С фотографий на меня смотрели улыбающиеся люди. Большинство из них жили задолго до того, как Земля была отнята. И незнание того, какие ужасы придется пережить человечеству через какие-то десятки лет, отпечаталось в их улыбках – широких, теплых, искренних.

Сейчас такие улыбки в нехватке.

Вручая мне этот фотоальбом с первыми двумя фотографиями счастливых незнакомцев, Касс сказал, что нам не помешало бы научиться улыбаться так же. У меня тогда было плохое настроение, и я ответила, что это глупо – учиться чему-либо у мертвецов, которые оказались неспособными пережить Пришествие. Касс вступился за них, я по инерции продолжила распаляться... И то, что начиналось как празднование круглой даты – календарные полгода вместе, – вылилось в нашу первую ссору.

Я бездумно пролистала страницы, не заглядывая в лица этих людей. И без того я знала их очень хорошо, хотя в последний раз открывала альбом еще в прошлой жизни. Из памяти даже не выветрились прозвища, которые давал изображенным на фото Касс. Это был первый и единственный альбом, который мы собрали вместе.

Давно мои сны не были настолько реальными.

После ухода Айроуз мне понадобилось время, чтобы справиться с мыслями и немного отойти от всего груза новой информации. То, что отец Сириуса хотел сделать меня ча-

стью своего безумного мероприятия, вызывало тоску, однако ситуация все еще не казалась мне безнадежной. Переводить меня должны были официально – значит, всего лишь нужно было придумать причину, по которой официальный перевод невозможен. Наверное, сперва следовало поговорить с отцом. Конечно же, он понимал, что идти на поводу у Седьмой – плохая идея. Конечно же, мы найдем выход.

Я отложила альбом и поднесла к глазам тонкую металлическую пластинку – перфокарту второй степени, вытащенную у Айроуз в то время как она меня обнимала. Возможно, мне нужны были эти объятия, но еще сильнее мне нужен был доступ к архивам службы безопасности. Айроуз меня возненавидит, решила я, задумчиво повертев перфокарту в пальцах. Не то чтобы это имело большое значение. После появления в моей жизни Лиамы я больше не была уверена, что когда-либо снова смогу ей доверять.

Какой бы серьезной ни была нависшая надо мной угроза, Лиамы она не отменяла. Интуитивно или нет, я знала, чувствовала: что-то происходило здесь, на Четвертой, и это что-то касалось меня даже больше, чем распри между станциями.

Я поднялась с кровати и достала из-под подушки коробочку с глушителем, который мне дал Сириус. Пора было что-то делать, чтобы спасти с тонущего корабля под названием «Привычный уклад вещей» хоть что-нибудь.

Глушитель сработал как надо. Я выскользнула в коридор

в полной уверенности, что камеры безопасности на моем уровне циклично повторяют один и тот же фрагмент, позволяя мне оставаться невидимой для полусонных дежурных. Работа глушителя продлится еще какое-то время, прежде чем кто-то заподозрит неладное, но этого будет достаточно, чтобы пробраться в архив, скопировать необходимые данные на персональный компьютер и незаметно вернуться в свою каюту.

На уровне стоял отбой, и в коридорах никого не было. Жилые этажи – наименее шумные и опасные на Четвертой, поэтому ночных патрулей, организованных службой безопасности, здесь не бывало. Я прошла мимо одного блока, свернула в сторону технического помещения и оказалась перед круглой металлической дверью, оснащенной считывающим устройством. Устройство приняло сташенную у Айроуз перфокарту, несколько секунд пожевало ее (допотопная технология, давно уже можно было улучшить) и выплюнуло мне в руки. Перфокарта стала слегка теплой. На крохотной бегущей строке устройства, по умолчанию выводящей сегодняшнюю дату, отобразилось:

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ ЛЕЙТЕНАНТ АЙРОУЗ.

Теперь я невольно порадовалась, что технологии защиты архивов у нас морально устаревшие; на более важных уровнях, чем спокойный и беспроblemный жилой, каждая дверь

приветствует входящих громко, идеально настроенным синтетическим голосом.

Внутри никого не было. На небольшой установке располагался суперкомпьютер сорокалетней давности. Когда-то такие рассчитывали для станций траектории полета, но со временем постоянно улучшающееся оборудование стало требовать большей скорости обработки данных, и суперкомпьютеры второго поколения списали со счетов. Однако огромные объемы памяти решили использовать для хранения данных, тем самым обеспечив этим машинам вторую жизнь в архивах жилых этажей.

– Эй, включайся, – сказала я, склонившись над грудой аппаратуры, составляющей суперкомпьютер второго поколения. Ноль реакции.

Я повторила случайный набор слов туда, где, как мне показалось, располагался считывающий голос обработчик. Машина опять не отреагировала.

Нет. Так не пойдет.

Это глупо – так рисковать, нарушать закон и воровать протоколы доступа у Айроуз, – и не суметь в итоге запустить чертов суперкомпьютер.

Я еще раз придирчиво оглядела всю установку и заметила круглую красную кнопку на самом большом блоке.

Черт возьми, Сионна, сорок лет назад суперкомпьютеры станций включались при помощи кнопок, а не голосовых команд. Здесь даже клавиатура физическая, а не виртуаль-

ная, о чем можно говорить?

Загрузка проходила довольно медленно. Я нервно поглядывала на экранчик наручного компьютера, прикидывая, много ли времени займет синхронизация моей системы с этим динозавром. Наконец система пришла в рабочее состояние. И не успела я обрадоваться, что для достижения цели мне осталось сделать всего ничего, за моей спиной красноречиво прокашлялись.

Желудок сжался.

Это чувство – когда до победы остался один шаг, но реальность решила вмешаться. Тебя словно с размаху роняют в капсулу с охлажденным антисептиком после особо пыльного рейда. Все тело горит, и ты почти паникуешь, не понимая, снимет ли антисептик только верхний, загрязненный слой кожи или сдерет ее всю с тебя к чертовой матери.

В дверях архива стояла Фирзен.

Какое-то время мы так и провели, замерев и выжидающе глядя друг на друга. Фирзен, на первый взгляд, улыбалась – только ее губы были плотно сжаты, а вздернутые уголки слишком уж напряжены. Это позволило мне понять, что она тоже нервничает. Что она не ожидала поймать меня здесь, и теперь судорожно соображает, как ей поступить.

– Привет, – осклабилась я, не отрывая от бывшей подруги глаз. Аккурат посреди фразы умудрилась вслепую зажать комбинацию, вызывавшую командную строку. Делать вид, что все так и должно быть, было немного нелепо. Но, несмотр-

ря на это, я успела еще и перфокарту поместить в специальный слот, пока Фирзен, слегка ошеломленная моей наглостью, нетерпеливо топала ногой.

А, точно. Я должна оправдываться. Я должна пытаться заговорить ей зубы.

– Отлично выглядишь, Фирзен, – вырвалось у меня, пока я вбивала запрос для поиска. Впрочем, сказанное я не с потолка взяла – она действительно выглядела отлично.

На Фирзен была рабочая форма сотрудника службы безопасности, которая ей всегда очень шла. На груди привычно сверкал металлический значок Двадцать Третьей. Волосы оставались синими – за два месяца, прошедшие с момента нашего последнего разговора, она успела только выбрить левый висок. Раньше, еще в прошлой жизни, Фирзен вносила изменения в свою внешность гораздо чаще.

– Я все *неправильно* поняла? – криво ухмыляясь, спросила она. Словно подсказывая мне, какой именно реакции ожидает от рейнджера, пойманного в архиве службы безопасности среди ночи. – Все на самом деле *не так, как это выглядит?*

– В яблочко. – Я обеспокоенно поглядела на экран загрузки: запрос обрабатывался непростительно медленно.

– Ты правда думала, что я тебя не вычислю?

– Новая прическа тебе к лицу.

– Я жду объяснений, Сионна.

В ее голосе появились раздраженные нотки – так Фирзен начинала злиться.

– Ты прекрасно знаешь, что твой поступок повлечет, – продолжала она. – Неужели не хочешь хоть как-то улучшить свою судьбу?

– Так мило, что ты переживаешь за мою судьбу, – саркастически улыбнулась я отчасти монитору, отчасти – ей. – Но вряд ли принудительное переселение на Седьмую можно чем-то улучшить.

Эффект был достигнут – Фирзен зависла на несколько секунд.

– О чем ты? – переспросила она упавшим на пару тонов голосом. – Какое еще переселение?

– Политика, Фирзен. Если позволишь, я закончу здесь, прежде чем ты настучишь на меня Айроуз. Кто-то проник в мою каюту без моего ведома, я хочу знать, кто это был и зачем ему это понадобилось. Понимаешь ли, с Седьмой, дистанционно, это любопытство удовлетворить будет сложнее. У меня совсем немного времени до следующей стыковки, так что...

– Полный бред, – выдохнула Фирзен, перебивая меня. – Насчет стыковки. Ты не можешь отказаться?

– Это тот вариант, которым я не располагаю, – я качнула головой и нахмурилась. – Капитану Седьмой нужна дочурка капитана Четвертой в знак того, что...

– ...Четвертая поддерживает амбиции по возвращению Земли? – подхватила Фирзен со знанием ситуации (для офицера безопасности – естественное состояние). – Какой бред.

Какое...

– ...Средневековье. Я пока слабо представляю, как выпутаюсь из этого. Но на будущее – если решишь метить в капитаны станции, не заводи детей.

– О, думаю, своим-то детям я испортила бы жизнь и не будучи капитаном станции.

Мы одновременно хихикнули.

А ведь я уже почти забыла, как это – болтать с Фирзен. Быть ее другом.

На какое-то мгновение мне показалось, что это никуда не ушло. Что мы обе отодвинули нашу дружбу, и какое-то время нам удавалось ее игнорировать, но на самом деле эти законсервированные чувства никуда не делись. Мы всегда можем их восстановить, а вместе с ними – совместные обеды, общие тайны и вот такие диалоги, в которых мы заканчиваем друг за друга фразы.

Эта светлая мысль жила ровно мгновение. Потому что этого мгновения хватило, чтобы я вспомнила о Кассе и о том, как его гибель заставила Фирзен отвернуться от меня. И что ничто и никогда не вернет нас на перекресток, где наши пути разошлись.

Я закусила губу, портя застывшую улыбку. Фирзен кашлянула, и ее рот тоже расслабился. Она тоже понимала, что это ни к чему.

– Чтобы получить доступ к архивам записей с камер, нужно для начала иметь доступ к протоколу, которого у рейн-

джеро́в нет, – поджав губы, сказала она. Вспомнила, что на работе.

Я со вздохом ткнула пальцем в перфокарту.

– Черт возьми, Сионна, эти записи с камер настолько важны? Где ты взяла перфокарту второй степени?

– Угадай, – предложила я несмотря на то, что ответ был очевиден.

– Айроуз. Не могу сказать, что это на тебя не похоже, но... Сионна, это безумие.

– Новость о переводе на Седьмую делает меня отчаянно смелой.

– Вижу... – Фирзен поколебалась пару секунд, а затем нерешительно шагнула ко мне. – Давай помогу.

Я ушам своим на поверила.

– В смысле?

– Ну, с твоими записями. Прости, но у меня явно больше опыта в обращении с компьютерами службы безопасности. По правде говоря, я была в числе тех первогодок, которых заставили их сюда перетаскивать с нижних уровней...

Это звучало так, словно теперь она пыталась заговорить зубы *мне*.

– Нет, погоди, – остановила я ее. – Ничто не делается просто так. Зачем тебе помогать мне нарушать закон?

Фирзен, до этого глядевшая мне в лицо, вдруг опустила глаза. Лицо ее словно окаменело, четче выделились скулы.

– Считай это... данью прошлому, – тихо сказала она.

Я опешила от такого заявления, но Фирзен не стала дожидаться ответа и принялась что-то быстро печатать. Мне не хватило времени, чтобы в полной мере осознать, насколько это абсурдно, – то, что моя бывшая подруга, офицер службы безопасности на станции, девиз которой – «Безопасность превыше всего», помогает мне нарушать закон.

Брошь с сияющими двойкой и тройкой стукнулась о мой левый ботинок и срикошетила под столешницу с кулером.

– Черт... – приглушенно выругалась Фирзен, поворачиваясь ко мне. – Мой значок.

– Момент. – Я опустила руку на корточках, просунула пальцы под столешницу. Значок, к счастью, не закатился слишком далеко. Я выудила его наружу, протерла краешком рукава и рассмотрела на свету. Я опять подумала про Касса – такой значок был и у него. Я почти решилась рассказать Фирзен, что он мне снился, но вовремя прикусила язык. Это никому не нужно. Это в прошлом.

– Держи свое сокровище, – с преувеличенной веселостью сказала я, протягивая брошь Фирзен. Избавившись от нее, я как будто вернулась в сознание. – Ну, что там?

– Хм, странно. – Фирзен задумчиво почесала выбритую часть головы. – По твоему запросу здесь ничего нет.

– Как это «ничего нет»? Разве данные не хранятся до пяти лет?

– В том-то и дело, что хранятся. Потому и странно. Потому что их нет.

– Это значит... кто-то добрался сюда раньше меня?

– Или кто-то халатно выполняет свои обязанности, – нахмурилась Фирзен. – Их удаление было несанкционированным.

– Черт, и как я теперь узнаю?..

– Может, оно и к лучшему. Формально теперь мне не за что тебя арестовывать.

Я пожала плечами, разочарованная тем, как сложились обстоятельства. Лиам и сюда пробрался, чтобы уничтожить все улики?

Или у меня все-таки развивается паранойя?

– Мне придется забрать перфокарту Айроуз, – сказала Фирзен, пожевав нижнюю губу. – Сама понимаешь. Хотя одна из нас должна оправдывать возложенные на нее надежды. Я предпочитаю сохранять лояльность службе безопасности. В конце концов, без нас вы, бунтари, все здесь разнесете.

– Справедливо, – проронила я, отрываясь наконец от стола и направляясь к выходу. Остановилась у самой двери, сама не зная, зачем. – Пока, Фирзен.

Она не ответила.

* * *

Наутро, после шести часов беспокойного сна, я вышла из каюты и нос к носу столкнулась с Айроуз. Она была явно на взводе – конечно, Фирзен уже добралась до нее и рассказала,

что я сделала со стащенной перфокартой.

– Мне хочется верить, что это была не ты... – Я еще никогда не видела ее разочарованной... настолько. Почему-то меня это задело.

И... Стоп. Значит, с Фирзен она еще не виделась?

Имеет ли смысл тогда признаваться?

На самом деле, обманывать Айроуз сейчас было куда опаснее, чем рассказать правду. Рейд она вряд ли отменит – до него оставалось всего ничего. При таких временных ограничениях менять рейнджера в паре – слишком рискованная практика, и Айроуз на это ни за что не пошла бы. Но если я разозлю ее сильнее, она может сделать этот мой рейд последним. Или же заставить до скончания века ходить в вылазки с Лиамом. Ну, или до переселения на Седьмую.

Я набрала полную грудь воздуха, чтобы признаться, как вдруг...

– Лейтенант Айроуз? – Из-за спины моей тетки показалась Фирзен. – Я вас искала.

Айроуз полуобернулась к ней, выставив передо мной свой резкий профиль.

– Разве не видно, что я разговариваю с рейнджером?

– Но ведь речь о вашей личной карте. – Фирзен услужливо протянула Айроуз перфокарту, зажатую между двумя пальцами. – Нашла в пульте управления. Наверное, вы забыли после вчерашнего совещания с капитаном Вэлем...

Айроуз испытующе посмотрела на меня, затем перевела

взгляд на Фирзен – ни одна мышца на ее лице не дрогнула. Айроуз помнила, что мы с ней больше не друзья.

Как... ловко.

– Спасибо за внимательность, Фирзен. – Она забрала перфокарту.

– Это мой долг, лейтенант, – приторно улыбнулась девушка.

– Можешь быть свободна.

Фирзен распрощалась и ушла, так ни разу на меня и не взглянув. Мы с Айроуз снова остались вдвоем.

– Так... что ты хотела спросить? – невинно похлопав ресницами, спросила я.

– Оказывается... – Айроуз смутилась. Это выглядело по меньшей мере странно. – Похоже, я должна выдать тебе больший кредит доверия, Сионна.

– Ты о чем? – по инерции я продолжила разыгрывать дурачку.

– Неважно. Касательно нашего ночного разговора... я нашла несколько путей решения. Сообщу тебе о них позже.

Помедлив, она протянула руку и аккуратно убрала тонкую прядь волос, вылезшую мне на лицо. От этого жеста в моем горле встал ком.

– Хорошего дня, Сионна, – сказала моя тетка и направилась к лифтам.

Я проводила ее взглядом, затем не выдержала и вернулась обратно в каюту.

Мое сердце билось так быстро, что я почти не слышала собственных мыслей. Или не хотела слышать. Потому что для меня открылась еще одна версия правды – и эта правда разительно отличалась от того, во что я верила последние несколько месяцев.

Фирзен выручила меня.

«Дань прошлому».

Или?..

Я забралась на кровать, подтянув к себе ноги, и попыталась сосредоточиться на том, что происходило этой ночью в архиве службы безопасности. На том, что я слышала от Фирзен.

«Может, оно и к лучшему».

«Ты ничего не нашла, значит, мне незачем тебя арестовывать».

«Ваша личная карта, лейтенант Айроуз».

А что, если?

Нет, это бред. Но...

Фирзен уронила свой драгоценный значок. Он улетел мне под ноги. Я подняла его. Не могла не поднять. Фирзен могла быть уверена в этом.

Вот только булавки, которыми крепятся наши значки, хорошего качества. Они не раскрываются внезапно и не открепляются от ткани так... просто. А если говорить о Фирзен – ее личный значок Двадцать Третьей значил для нее больше, чем все значки резидентов Четвертой для их носи-

телей вместе взятые. Я уверена, ее брошь была прикреплена к форме намертво.

И под ноги мне она упала лишь затем...

...чтобы дать Фирзен время на удаление нужных мне записей из архива.

Учитывая, что я не упоминала при ней имя Лиама... Учитывая, что после она обманула Айроуз, тем самым обеспечивая секретность моей вылазки в архив... Это все не было случайностью.

Ошарашенная открытием, я просидела так несколько часов, прокручивая в голове диалоги, вспоминая мельчайшие детали, пытаюсь связать воедино разрозненные мелочи. К тому времени, когда пора было идти на симуляцию, ком моих проблем заметно разросся и – я все-таки почувствовала свою вину перед Айроуз. За то, что обокрала ее, когда она впервые за вечность обняла меня.

Потому что все это время Айроуз была ни при чем.

9

– Думаю, нам стоит больше времени проводить вместе.

– Думаю, ты раз мечтался, – пробормотала я, не отрывая взгляд от зеркала. В нем отражалось мое покрасневшее лицо с бровью, рассеченной с разбегу о препятствие из заглочившей суперматерии. Мне еле удалось остановить кровотечение, и сейчас я угрюмо прикидывала, насколько от-

вратительным будет шрам.

Лиам, разматывавший бинты на руках, выглядел немногим лучше моего. Симуляции с каждым разом становились все сложнее – и чаще всего дежурный, настраивающий их, по распоряжению Айроуз «забывал» нас об этом предупредить. Для чистоты опыта. Потому что невозможно быть готовым ко всему на свете, и, когда речь идет о Земле, это актуальней во сто крат.

– Не лсти себе, принцесса. Мы же напарники.

– Мы напарники только на один рейд, – спокойно сказала я, доставая баночку с заживляющим гелем из шкафчика-аптечки для пострадавших от современных технологий рейнджеров. Набившее оскомину прозвище оставалось только игнорировать.

– Только не говори, что ты не смотрела на табло все это время, – сказал Лиам. – Никто не захочет разбивать пару с такой эффективностью.

Я все-таки глянула на него – злобно, потому что чушь, которую он нес, вполне могла разделять и Айроуз. Костяшки кулаков Лиамы под несколькими слоями бинта оказались сбитыми в кровь, на подушечках пальцев и ладонях красовались уродливые, по несколько раз лопнувшие за свое существование мозоли. Кто-то тренировался слишком уж усердно. Даже смотреть на это было больно. Надеюсь, чувствовать – гораздо больнее.

– Не слышу язвительного ответа, – широко ухмыльнулся

Лиам. – Значит, ты понимаешь, как обстоят дела. В общем, я к чему. Посмотри на других рейнджеров – они проводят время со своими напарниками, чтобы лучше понимать друг друга, общаются и за пределами симуляционного зала...

– Ну, им же не достался в напарники маргинальный придурок, как мне. – Язвительный ответ подоспел чуть позже, чем Лиам ожидал. Я наконец закончила обрабатывать рассеченную бровь и, оторвавшись от зеркала, с вызовом посмотрела на него. Гель с шипением формировал корочку поверх открытой раны; было немного больно, но я старалась не морщиться.

– Ты когда-нибудь простишь мне, что я столь великолепен, несмотря на свое низкое происхождение? – поднял брови Лиам.

Нет. Вряд ли.

Вместо ответа я пожала плечами с таким видом, будто мы говорили о чем-то совершенно нейтральном.

Сдерживаться в присутствии Лиамы становилось все сложнее. Особенно после того, как я убедилась, что это не просто моя паранойя и что-то все-таки происходит.

Проблема заключалась в том, что открыто обвинять Лиамы или Фирзен в чем-либо *конкретном* я пока не могла. Потому что не было доказательств. В том числе доказательств, добытых законным путем. Кроме того, со мной пока не произошло ничего *такого*. Лиам был в моей комнате, а Фирзен по какой-то причине его покрывала, – но никакого

ощутимого вреда я от этого не получила.

В таких условиях вспышка гнева могла стоить мне гораздо больше, чем одна неразгаданная загадка. Это могло стоить мне репутации.

– Тебе никогда не приходило в голову, что это может быть обидно? – продолжал Лиам без особого рвения показывать, как же глубоко я ранила его душу. – Все-таки я через многое прошел там, внизу...

– Уже слышала. – В мыслях мой ботинок всюду месил его самодовольную рожу. – Мне случилось сидеть через столик от тебя и той девчонки из медблока, кажется, Вэнди, которую ты так пытался поразить своими слезливыми рассказами о нелегком прошлом на Земле.

– О. – На мгновение мне показалось, что он смутился. На мгновение. – Кстати, если хочешь знать, я ее поразил...

– Заткнись, это мерзко.

Лиам просиял.

– Хм, наконец-то я понял. А ты крепкий орешек. Промучить меня столько времени без подсказки...

– Ты там на симуляции головой стукнулся?

– Серьезно, ревность – нехорошая штука, – насмешливо протянул Лиам, нажимая на кнопку в стене, чтобы дверные панели зала разъехались.

– А фантазия – отличная, но только если направлять ее в правильное русло, – в тон ему ответила я. И, подумав, добавила: – Катись в ад.

Меньше всего, выйдя из зала симуляций, я ожидала увидеть Сириуса. Они с Лиамом поприветствовали друг друга рукопожатием, во время которого я с глухой ненавистью вспомнила, что Сириус теперь проводит для Лиамы инструктаж по крыльям три раза в неделю. Наконец мой маргинальный напарник отлип от моего еще-немного-и-бывшего-друга и побрел к раздевалкам. Сириус тут же подскочил ко мне.

– Что у тебя с бровью?

– Тактический ход. Решила, что со шрамом на пол-лица буду выглядеть опасней.

– Сионна...

– Вы еще не обменялись браслетиками дружбы?

– Ты все еще злишься? – неуверенно спросил он, заглядывая мне в глаза. Прямо после того, как пожал руку Лиаму, мою ненависть к которому вряд ли можно назвать затаенной. Что ж, все гении в чем-то – полные идиоты.

– Какая разница? – фыркнула я. – Скоро мне не будет никакого дела до твоих разработок. Сможешь без зазрения совести вшивать крылья хоть чистильщикам турбин, когда я пойду играть роль разменной монеты.

Сириус недоуменно нахмурился.

– Это такая... странная фигура речи?

– Не совсем... – Я замялась.

Айроуз просила меня не распространяться о нашем ночном разговоре, но, черт возьми... Сириус должен был знать, насколько далеко зашел его отец в своих воинственных за-

машках.

– Ридус Лэр потребовал, чтобы я переселилась на Седьмую при следующей стыковке.

Лицо Сириуса побелело.

– Скажи, что это неудачная шутка, – быстро выпалил он, схватив меня повыше запястья. Его пальцы намертво впились мне в кожу, и я не была уверена, что Сириус это контролировал. – Сионна, это не смешно.

– Я тоже не смеялась, когда мне сообщили. – Ошарашенная его реакцией, я не сразу сообразила, что мне больно. – Но, судя по всему, твой отец настроен очень решительно, раз выдвинул это предложение в ультимативной форме.

Сириус застонал в голос и сам убрал руку. На коже остались белые следы от его пальцев, и в другой ситуации я бы не отказала себе в удовольствии вклепить Сириусу мстительную затрещину. Но это было так на него не похоже, что... мне стало не по себе. Я сознательно никогда не поднимала в разговорах с ним тему родителей, но теперь готова была пожалеть об этом. Кажется, я не совсем понимала, что такое Седьмая станция. А Сириус – понимал. И его реакция не предвещала ничего хорошего.

– Это ужасно, это... – Он не смог найти слов и просто несчастным взглядом уставился на меня. Впервые за два с половиной года знакомства мне удалось разглядеть цвет его глаз. Они были светло-голубыми с золотистыми прожилками по краям радужек. Почему-то от этого открытия стало еще

тревожнее.

– Знаешь, весьма интригующе, – нервно усмехнулась я. – А теперь, будь добр, объясни мне, что именно вызвало в тебе такую бурю эмоций.

– Ты что... – Сириус пораженно уставился на меня. – Ты не в курсе? Насчет Седьмой?

Я вдруг почувствовала себя очень глупо.

Мои познания ограничивались тем, что они повернуты на оружии, что мы считаем им аэродинамику, а еще – что на Седьмой не самый адекватный капитан. Судя по всему, мои познания были далеко не самыми исчерпывающими. Поэтому я просто отрицательно мотнула головой.

Мы зашли в ближайшее свободное помещение – им оказалась техническая комната, где наши МСЭ проходили финальную проверку перед рейдами. До следующего оставалось полторы недели, поэтому пока руки техников до них попросту не дошли. Я пробежалась взглядом по полкам с отключенными сборщиками. В иной ситуации попробовала бы отыскать среди десятков одинаковых роботов Сэмми, но сейчас все мои мысли были о том, что расскажет Сириус о Седьмой. Раз уж нам пришлось искать отдельную комнату, чтобы говорить без посторонних ушей, намечающийся разговор был явно не из легких.

– Он давно вбил себе в голову всю эту чушь о превосходстве человеческой расы и священной войне, которую станции должны объявить миру внизу, – сказал Сириус без вся-

ких вступлений, что было ему несвойственно. Я сразу поняла, что речь идет о его отце. – Он не понимает, что мы не знаем ящериц так, как знают нас они. Он... Он заставлял меня заниматься разработками оружия.

Лицо Сириуса болезненно дернулось. Он стоял, прямой, как струна, сцепив руки на груди так сильно, словно кто-то пытался их отнять.

– Довольно обычное дело для Седьмой, – осторожно начала я, – разве нет? Вы же этим промышляете. Ваша станция годами поставляет вооружение другим...

Сириус расхохотался. Черты его обычно спокойного, отстраненного от мирских забот лица исказились, и мне открылось то, что там так хорошо скрывалось все это время. Злоба. Ненависть. Страх.

Никогда не видела его таким. Никогда не думала, что он может быть таким.

– «Обычное дело», – Сириус вдохнул полную грудь воздуха, обрывая свой жуткий смех. – Рассказать, как мы обычно испытываем промежуточные прототипы? Чаще всего показательно. На несогласных с режимом моего отца.

Режим.

Слово из неудачных строк истории свободного человечества, сопряженное с угнетением, несправедливостью, тиранией.

Мне казалось, после того, что люди пережили, нам оставалось только заботиться друг о друге. Поддерживать наше

общество в здоровом состоянии. Ценить жизни друг друга. Мне казалось, все станции придерживаются такого мнения. На всех во главе угла – демократия, толерантность и взаимопочтение.

Только на Седьмой люди убивают себе подобных.

Это звучало слишком дико, чтобы сходу поверить.

– Три года назад отец привел меня на наш внутренний полигон, чтобы посмотреть, как работает моя взрывчатка на основе сжатого света, – продолжал Сириус, и костяшки его пальцев, сжимавших острые локти, с каждой секундой белели все отчетливее. – Я думал, этот тест нужен просто для того, чтобы он увидел мой прогресс... Ну, знаешь, обычно родители интересуются успехами своих детей. Но вместо манекенов на полигоне были люди. И некоторых из них каждый резидент станции знал в лицо – это были члены Старшего совета Седьмой. Коллеги моего отца. В тот день я узнал, что Старший Совет распущен и отец принимает полное командование станцией на себя. И первым его решением была казнь политиков, которые предали свободное человечество своим нежеланием вести станцию на войну с ящерицами. По его команде предателей подорвали на тестовых гранатах, собранных мной на досуге смеха ради. При виде разлетающихся ошметков того, что еще мгновение назад было перепуганными людьми, мне было не до смеха. Тее тоже.

– Он... Он заставил Тею на это смотреть? – Весь рассказ Сириуса был слишком невероятным и слишком страшным,

чтобы так его принять, но от последних слов к горлу подступил клокочущий гнев.

– О да. Вам предстоит увидеть еще много неприятного, сказал он. Потому что борьба за свободу человечества, сказал он, борьба за свободу родной планеты не может быть стерильной и красивой. Тея после этого мучилась кошмарами целый месяц.

– Ради Теи, – прошептала я, с ужасом осознавая, какой эгоистичной была по отношению к Сириусу все это время. Его страх попасть в немилость к Айроуз. Его нежелание лезть на рожон ради моих выходок. – Это ради Теи ты перебрался на Четвертую.

– И ты ошибаешься, если думаешь, что это было просто.

– Я.... Я не знала.

Отец никогда не говорил, что Ридус Лэр, его друг детства, – чертов психопат. Я и представить не могла, что на станции, островке цивилизации, проносящемся над Землей, может происходить *такое*.

– Прости.

– Тебе не за что извиняться, – отмахнулся Сириус, наконец слегка расслабив руки. – Я просто... Я не хочу, чтобы тебе тоже пришлось увидеть, какой «должна быть борьба за свободу родной планеты».

– Погоди, а что остальные? У вас же на станции много людей. Неужели никто не восстал против этого террора?

Сириус криво усмехнулся.

– Отец, конечно, сумасшедший, но не дурак. Он начал расчищать себе дорогу к власти задолго до того, как приступил к активным действиям. Он был очень осторожным, выискивая себе первых союзников. К тому времени, когда люди поняли, что в правительстве Седьмой произошел переворот и сами они оказались у моего отца под ботинком, его власть распространилась слишком глубоко. Многие, очень многие разделяют его идеи, следят за своими соседями, пишут доносы... У нас на этажах просто ящики для приема бланков, представляешь? «Запрос на консультацию в службу безопасности». Несогласных отец не терпит.

К концу его речи я поняла, что сейчас прокушу себе нижнюю губу. Тут же оставила ее в покое – губа неприятно саднилась, но это было не самое неприятное.

Я *совсем* не хотела на Седьмую. Но сомневалась, что Айроуз и отец смогут меня защитить без каких-либо последствий для Четвертой. Если взять во внимание ценность жизни одного человека, – это ничто в сравнении с жизнями сотен людей на станции, которые погибнут, если что-то пойдет не так. Я – меньшая плата в этом случае. Если разозлить дракона, он сожжет все королевство дотла. Отправить принцессу в логово дракона – меньшее зло.

– Я не знаю, – сдавленно выпалил Сириус. Он выглядел так, словно вот-вот заплачет, и от этого у меня сжалось сердце. – Впервые в жизни я не знаю, что делать, Сионна. Я...

– Не переживай. – Я положила руку ему на плечо; от

неожиданного вторжения в личное пространство он инстинктивно отшатнулся, но затем просто покачал головой и опустил взгляд. — Я что-нибудь придумаю, Сириус. На следующей неделе у меня рейд, после него поговорю с доктором Карой и получу в свое досье запись о поврежденном на миссии ахиллесовом сухожилии, например...

Это, конечно, испортит мой идеальный профиль. Но Седьмая может испортить гораздо больше вещей, составляющих мою и без того не идеальную жизнь.

— Придется проваляться в лазарете около месяца, — продолжала я на ходу сочинять историю своего чудесного спасения. — Может, два. Стыковка с Седьмой пройдет без меня — не могут же они забрать раненого рейнджера, прикрывшись поводом вроде «нам срочно нужен инструктор по подготовке нового поколения рейнджеров». А потом все как-нибудь... устаканится.

— Это же не решение проблемы, — покачал головой Сириус, недоверчиво подняв на меня глаза. — Это увиливание от нее.

— То, чем свободные земляне занимаются уже восемь десятков лет, — парировала я. — Мы прячемся от ящеров, Сириус, вместо того чтобы нападать на них и терять остатки своей цивилизации в неравной борьбе.

— Вот. А теперь ты сама подвела к тому, чего так жаждет мой отец.

Сириус замолчал, поняв, что сказал лишнее. Мне расхо-

телось искать слова для возвращения его в нормальное состояние духа. Я слезла со стола и пошла к рядам капсул с МСЭ, выглядывая среди прочих Сэмми.

Ни беглый взгляд, ни более детальное ознакомление с содержимым ящиков не дали результата. Несколько отсеков были пустыми – могло случиться так, что нескольких сборщиков забрали на обновление?

– Сэмми нет на месте. – В свете последних событий я стала очень подозрительной. – Сириус, кто-то из твоих ребят сейчас им занимается?

– Что? А, нет, после твоего последнего рейда с твоим сборщиком уже сделали все необходимое.

– Тогда где он? – начала злиться я. Затем вспомнила, что за магнитные сборщики экземпляров на станции не Сириус в ответе, остыла и спросила уже спокойнее: – Как думаешь, кто мог его взять?

Сэмми подлетел ко мне со спины, легонько ткнувшись в плечо, издал несколько мелодичных сигнальных звуков и закружил вокруг меня, словно верный питомец.

– Сэмми! Нехороший дядя механик оставил тебя включенным? – Я с нежностью погладила выведенный маркером неровный цветочек на эмалированной поверхности сборщика. Из-за вынужденного пропуска целого рейда я не видела Сэмми самый долгий период тех пор, как он у меня появился.

– Как это безответственно – пускать МСЭ беспрепят-

ственно летать по комнате, – заметила я. Нежным посвистыванием Сэмми как будто выразил свое согласие, а затем по команде отправился в свой блок ожидания. – А еще он как-то... *фурычит* иначе.

– Обновление магнитного двигателя, произвели месяц назад, – как-то отстраненно объяснил Сириус. – Теперь и скорость вырасти должна.

– Здорово. В следующем рейде у нас фигурирует Код 14.

– Плохо сканируемая зона? А что вам там надо?

– Исследования почвы. В детали нас посвящают в последний момент, когда мы уже в капсулах на полпути до земли.

– Почему не раньше?

– Вероятно, чтобы не разносить секретную информацию по Четвертой.

– Шпионы. – Сириус нахмурился – видно, не одна я стала подозрительной в последнее время.

– Какие времена, такие превентивные меры. Сам знаешь, безопасность превыше всего.

Сириус вместо ответа только пожал плечами. После того как он рассказал мне о Седьмой, менять тему он был не настроен. Мне показалось, что после такого эмоционального всплеска он вообще захочет побыть один.

– Не забывай, что у тебя есть я, – сказал он, когда я уже уходила. – Тебе не обязательно справляться с этим одной. Я сделаю для тебя любой глушитель, что угодно. Они не могут забрать тебя на Седьмую.

Меняхватило только на сдавленное «спасибо».

В лифте уже запекшееся рассечение неожиданно разошлось. Я поняла это, только когда теплая кровь начала заливать мне глаз, скатываться по щеке на форму, капать на пол кабины. Рука машинально коснулась раны – я зашипела от боли, как-то неловко крутанулась на месте, чтобы не испачкать алыми каплями еще и ботинок, и – столкнулась со своим отражением в небольшом зеркале рядом с панелью кнопок.

Увидев свое залитое кровью лицо, я растерялась.

И страх использовал эту брешь в моей защите, чтобы в очередной раз попытаться меня сломить.

Сердце. Оно начало биться медленнее, но сильнее. Легкие с неохотой принимали каждый последующий вдох, стремясь сосредоточиться на дыхании. Окровавленное отражение утратило свою четкость, размылось в сплошное ало-рыжее пятно, задрожало...

Я отшатнулась от зеркала, закрыла глаза и за десяток секунд выровняла дыхание. Затем остановила лифт и с силой зажала кнопку, соответствующую уровню медблока. Нужно, чтобы доктор Кара зашила мне бровь. И – черт с ним, с сомнением, – напичкала меня успокоительными. Сейчас мне как никогда нужна трезвая голова.

Вдох, выдох.

Все будет хорошо. Я справлюсь. Что бы ни было уготовано мне впереди – я возьму ситуацию в свои руки и справлюсь.

Уверенная улыбка растянула мои губы. Несмотря на кровь, все еще сочившуюся из рассеченной брови, мне понравилось то, что я увидела в зеркале, заглянув туда во второй раз. Конечно. Справлюсь – как делала всегда. Без чужих жертв и вмешательства в мои проблемы.

Сама. И ничто на свете не сумеет мне помешать.

Так что: спасибо, Сириус, за твою готовность идти на риск ради меня, но...

Я никогда этого не допущу.

10

– Что там? – не выдержала я. Доктор Кара вздрогнула и наконец отвлеклась от созерцания выпуклой розовой полоски, пересекавшей мою правую бровь.

– Шрам обещает быть довольно крупным, – сказала она и провела вдоль него мягкой подушечкой пальца. – Давай попробуем отшлифовать его лазером через пару недель, когда новая кожа окрепнет?

– Рейнджеру пристало гордиться полученными шрамами. – Левый уголок моих губ пополз вверх.

– Шрамами, полученными в бою или при неудачном взаимодействии с суперматерией? – язвительно уточнила доктор Кара. Очки сползли ей на кончик носа, позволяя разглядеть глаза – светло-серые и не такие огромные, какими обычно делали их линзы.

На ее замечание я только фыркнула.

– Я не против. Может, из этого рейда я вернусь с еще большим количеством шрамов.

– Какой позитивный настрой. – Доктор Кара склонила голову набок. – Ты себя совсем не бережешь, Сионна. Я рада, что у тебя появился напарник.

– Что там с показателями? – сердито прервала я, подсовывая ей руку с закрепленным на локте медицинским устройством, на экране которого постоянно менялись какие-то графики. – Все в норме?

– Сейчас проанализирую твой график и скажу. – Кара сняла устройство, положила на свой столик на колесиках и, взяв оттуда небольшой рюкзачок, протянула мне. – Здесь аптечка для первой помощи, глюкоза, таблетки для очищения воды, линзы ночного видения и еще кое-какие полезные штуки.

– Так много? – удивилась я. Обычно нас не грузили таким количеством необязательных вещей. Видимо, у кода 14 свои правила. – Спасибо.

Я взяла рюкзачок, закинула за спину и защелкнула кнопки на креплениях. Огляделась – по всему помещению рассыпались передвижные столики и доктора со своими подопечными-рейнджерами. Это была финальная проверка, все ли в порядке, перед тем как отправлять нас вниз.

Я немного нервничала.

Один пропущенный рейд дал мне достаточно времени, чтобы привыкнуть к станции и почти забыть, что меня так

тянет на Землю и почему я так люблю бывать там. Симуляции не в счет — да, модели, выстраиваемые суперматерией, воспринимаются как интерактивное кино с высокой степенью погружения, — но на симуляции я хожу *исключительно* для того, чтобы тренироваться. С тех пор как не стало Касса.

Вспомнив тот кошмар, я поискала глазами Лиам.

Он располагался через два столика от меня. Его доктором была миловидная брюнетка, сначала мне показалось, что это Вэнди из медблока. Лиам что-то ей рассказывал вполголоса, и от услышанного девушка явно приходила в восторг. То, как она смотрела на него и как задерживала руки на его рельефных мышцах, когда закрепляла и снимала сканер, вызывало у меня смешанные чувства... как будто что-то в происходящем было вопиюще неправильно. Вот только что? Лиам в этот момент наклонился, чтобы шепнуть ей что-то на ухо, и вдруг перехватил мой взгляд. Улыбка, появившаяся на его лице, была немного растерянной, но он быстро пришел в себя и пожал плечами. И тут я вспомнила, что Вэнди в силу возраста еще не могла получить сертификат доктора и, соответственно, готовить рейнджера к рейду. Приглядевшись, я поняла, что рядом с Лиамом была старшая сестра Вэнди, Джена.

Я отвернулась, переполненная презрением к моему так называемому напарнику. Доктор Кара как раз закончила делать пометки в моих медицинских таблицах и отложила планшет.

– Сионна Вэль, ты полностью здорова и по физическим показателям готова к рейду, – объявила она, и вдруг ее глаза округлились. Кара взглянула мне куда-то за спину. – Капитан Вэль...

– Что? – Я посмотрела туда же.

Действительно, по транспортному отсеку шел мой отец – расстояние между нами было метров в сорок, но у него была столь узнаваемая рыжая грива, похожая на львиную, и такая характерная тяжелая походка, что спутать капитана Четвертой с кем-то другим было просто невозможно.

Это не было принято, но он подходил к каждому из рейнджеров, говорил им что-то напутствующее и жал руки. Наверное, это было как-то связано с Кодом 14; плохо сканируемая зона подразумевала, что на ее территории могут располагаться небольшие колонии ящеров или лагеря маргиналов, что означало потенциальную опасность для каждого из участников рейда. В таком случае со стороны моего отца это был очень мудрый жест – благодаря таким жестам он и был самым лучшим капитаном на свете.

Впрочем, рядом с такими ребятами, как Ридус Лэр, кто угодно будет выглядеть лучшим капитаном на свете.

Мы с доктором Карой располагались дальше всех от входа, поэтому пришлось подождать, пока отец совершит весь променад. Около Лиама, к моему неудовольствию, он задержался дольше всего, и у них произошло что-то вроде разговора в несколько коротких реплик, которые, увы, с моего ме-

ста расслышать не удалось. Они кивнули друг другу, пожали руки, и отец пошел дальше. Через еще двух рейнджеров, с которыми должен был обмениваться любезностями. Ко мне.

– Доктор, – он с улыбкой взглянул на Кару, рядом с ним казавшуюся совсем миниатюрной, – если вы уже закончили, попрошу оставить нас с Сионной.

– Конечно, капитан Вэль... – Кара подхватила свой планшет и поспешила из отсека прочь. Остальные доктора и рейнджеры тоже начали расходиться – одни в медблок, другие – в зону отправки. На большом табло под потолком зала высвечивалось время: до загрузки оставалось пятнадцать минут.

– Привет, папа, – сказала я, поправляя рукава формы, на которую еще надлежало нацепить элементы панциря. – Давно не виделись. Очень хотела поговорить с тобой в последнее время. О моем переселении на Седьмую.

– Айроуз рассказала тебе. – Отец был не очень удивлен. – Неожиданно с ее стороны, учитывая, что из нас двоих контролировать уровень твоей осведомленности предпочитает она.

– Учитывая твою занятость, удивительно, как ты еще вспоминаешь о моем существовании. – Я сложила руки на груди, с недовольным прищуром глядя на отца, а затем опустила взгляд и вздохнула. – Прости, папа, я ни в чем не могу тебя обвинять. Ты капитан Четвертой, тебе нужно заботиться о том, чтобы поддерживать здесь все в порядке, те-

бе некогда. Просто... иногда мне правда очень хочется, чтобы ты имел больше влияния на мою жизнь. Особенно в то время, когда меня пытаются сделать заложником из-за какого-то глобального разногласия между станциями.

— Я понимаю, почему ты обижена, моя девочка. — Папа положил руку мне на плечо и заглянул в глаза; они у него были такие же, как мои, — приглушенно голубые с редкими желтыми прожилками у самой радужки. Те же высокие надбровные дуги и тяжелые верхние веки, делающие мое лицо равнодушно-презрительным, отцу словно добавляли доброты и мудрости. Мы были очень похожи, и в то же время, несмотря на явное внешнее сходство, жизнь сделала нас совершенно разными людьми.

В горле застрял горький комок.

— Сионна, — позвал отец, видя, что я не могу говорить. — Наша семья за все время своего существования подвергалась различным испытаниям. Но я хочу, чтобы ты знала. Несмотря на все обстоятельства, несмотря на то, что тебе кажется порой, будто я забыл о твоём существовании... Я очень люблю тебя, Сионна, и сделаю все, чтобы тебя защитить.

— Я сама могу себя защитить, — уязвленно парировала я. Меньше всего после всех этих лет мне нужна была *защита*. Вспыхнувшая обида не позволила мне расслышать и осознать произнесенное отцом «люблю тебя, Сионна» сразу, и мгновение было упущено. — Единственное, о чем я прошу: не держи меня в неведении. В конце концов, я дочь капитана

станции. Я имею какой-то вес. У меня есть право не жить в слепоте относительно происходящего. Не узнавать о важных вещах, касающихся меня напрямую, случайно или из подслушанных разговоров.

По мере того как я говорила, мягкое выражение на лице моего отца сменилось более напряженным, лоб пересекла заметная вертикальная морщина – хотя, казалось бы, его густые темно-рыжие брови не сдвинулись ни на йоту.

– Мне все время приходится принимать трудные решения, – наконец сказал он. Хитрая тактика: вроде бы и ответил, и не сказал ничего толком. Это злило.

– Что с Седьмой? – спросила я неожиданно севшим голосом, стараясь, чтобы он не дрожал.

– Никогда твоя нога не ступит на Седьмую.

– Ридусу Лэру это не понравится.

Глаза отца презрительно сузились, это сделало его больше похожим на меня.

– Ридусу Лэру еще много раз предстоит столкнуться с тем, что ему не понравится. – Голос тоже изменился. Стал тверже, злее.

– Что это значит? – с нажимом спросила я, подавшись вперед. – Ну же, папа, не молчи. Что ты имеешь в виду? С чем ему придется столкнуться?

– Сионна, это просто фигура речи, – попытался отмахнуться отец.

– Нет! – внезапно выкрикнула я, обиженная его закры-

тостью. Где-то в моей груди зародился гнев, и в какие-то несколько секунд он завладел всем моим естеством. Вынужденная слепота бесила. Руки непроизвольно сжались в кулаки. – Я же только что попросила тебя! Папа, не ври мне. Что ты имел в виду?

– Некоторые вещи могут тебе лишь навредить, – попытался возразить он, отступая на полшага назад. Трус. – Каким же я буду отцом, если не предприму ничего, чтобы?..

– Да тебя и без того сложно назвать отцом года, – прошипела я, сокращая расстояние. Это было ужасно, это было так грубо и так жестоко, но я уже вошла во вкус, и теперь моя злость контролировала меня, а не я ее. – Этот твой уход от темы как-то связан с тем, что Лиам был в моей комнате? О чем вы с ним только что говорили? Каким боком сюда относится Фирзен? Зачем вы с Айроуз навязали его мне в напарники? Почему мне нужно переводиться на Седьмую? Папа!

Его лицо, мгновение назад совершенно растерянное, приняло выражение непоколебимой решимости. Я была вслепую, на эмоциях, не понимая, на что рассчитываю. А он... он знал, о чем я говорю. Ни один вопрос из озвученных не удивил его.

Все это время я злилась на Айроуз, целенаправленно превращавшую мою жизнь в кошмар. Все это время я сходилась с ума, пытаюсь разобраться в своих подозрениях насчет Лиамы. Все это время я считала, что отец испытывает ко мне хотя бы каплю уважения.

Все это время я заблуждалась.

Иногда достаточно самого маленького предательства, чтобы перевернуть твой мир.

Отец смотрел на меня, морщась чуть болезненно, словно все происходящее причиняло ему ощутимое неудобство. Но вместе с тем он был уверен в своем решении ничего мне не говорить. В решении оставить все как есть. И тогда я впервые увидела его *другим*.

Не рассеянный добродушный капитан Вэль, но политик, играющий в свою игру и не намеренный делиться запланированными ходами даже с собственной дочерью. Это открытие порождало множество вопросов, но было бы слишком больно озвучивать их даже мысленно. Поэтому я просто замерла, непонимающе глядя на него, в абсолютной растерянности, осознавая свою полную незащищенность, и... это было едва ли не самым жутким, что я испытывала за свою жизнь.

– Сионна. – Отец избегал смотреть мне в глаза; на самом деле он смотрел вверх, на информационное табло. – Тебе пора.

Да, действительно.

Осталось около пяти минут, и за это время предстояло сделать еще многое.

– И это все? – пораженно выдохнула я. Что-то заставляло меня надеяться, из последних сил цепляться за вероятность того, что он передумает. – Ты не скажешь «поговорим после рейда»? Не попытаешься сделать хоть что-то, чтобы твоя

единственная дочь тебя не возненавидела?

Отец молчал. Я не могла понять, о чем он думает. Впрочем, это уже было не так важно.

Я развернулась и пошла на загрузку, попутно пнув жалобно звякнувший столик доктора Кары. У самого выхода я хотела обернуться, чтобы взглянуть на отца последний раз перед отправкой.

Но не обернулась.

Я облачалась в панцирь последней, и суетливые движения тонких ручек-дроидов, закреплявших на мне элементы рабочего костюма, почти не отвлекали от моих все еще злых мыслей. Я не знала, что мне с этим делать. Наверное, после рейда нужно будет зайти к отцу.

Может, я успела наговорить лишнего? Может, он поэтому промолчал, давая мне возможность остыть? Мне стоит извиниться? Ума не приложу, за что я должна извиняться, когда очевидно, что неправ – он. Попытаться рассказать еще раз все, что я знаю? Возможно, окажется, что я практически докопалась до правды, и проще будет выдать мне ее всю, чем скрывать и дальше оставшуюся крупицу?

В зоне отправки прямо перед рядом капсул меня ждали Сириус и Тея. Сириус выглядел так, словно всю ночь провел за работой, но все равно улыбался, а Тея по своему обыкновению сияла. Видеть их в последнее время было... согревающе. Как будто это были единственные на Четвертой люди, у которых от меня не завелось секретов.

– Ребята?.. – В моем голосе прозвучала неподдельная радость.

Тея бросилась мне в объятия.

– Я только что из корпуса, Сионна, – быстро затараторила она. – Они сказали, что мои физические характеристики достаточно высоки, чтобы приступить к начальному инструктажу и тренировкам, а еще чуть позже нужно будет написать тест по истории Земли, это очень глупо, зачем рейнджеру знать историю Земли? Но я обязательно хорошо подготовлюсь и напишу, и через два года получу значок, и стану рейнджером, как ты...

– Ух ты, – искренне порадовалась я. – А история Земли... Однажды в мой отряд попал мальчик, который не знал, что в Бельгии говорили на трех языках – французском, нидерландском и немецком. Ему нужно было отсканировать и оцифровать некоторые данные из физического хранилища, но он не нашел в настройках своего сканера бельгийский язык, запаниковал и оцифровал считанные данные в английский. В итоге задание парень провалил, и более того, ему пришлось вручную вместе с техниками приводить данные в порядок. Весь техноблок его в итоге ненавидел.

– Ужас, – прокомментировала Тея, делая большие глаза. – Я выучу историю Земли лучше всех.

– Моя девочка, – гордо заключила я, и она, смеясь, стиснула меня в объятиях еще крепче.

– Галатея, отстань от нее, – фыркнул Сириус, отдирая от

меня восторженную сестру.

– Тея! – зашипела она, ненавидевшая свое полное имя всей душой. Но все-таки перестала душить меня в объятиях, против которых я, к слову, ничего не имела.

– Как ты? – спросил Сириус, обеспокоенно нахмурившись. Неожиданно он протянул руку и почти коснулся пальцем свежего рубца, пересекающего мою бровь. – Твой шрам...

– Пройдет, – беззаботно улыбнулась я, и, словно испугавшись моих показавшихся зубов, он убрал руку. Мне показалось, его щеки порозовели.

– Я видел с этого уровня, что ты говорила с капитаном, – понизив голос, чтобы Тея не слышала, сказал Сириус. – Ты потом еще и столик пнула. Вы поругались?

– Семейные недоразумения. – С равнодушной веселостью я махнула рукой; не хотелось говорить на эту тему сейчас, пока я ничего не обдумала и не пришла к какому-либо решению. – Ну, *ты-то в этом понимаешь...*

Я запнулась, увидев, как недоверчиво вытянулось лицо моего друга. И только тогда до меня дошел смысл сказанных слов. После нашего последнего разговора со всеми шокирующими подробностями о жизни на Седьмой, об отношениях Сириуса и Теи с их отцом... это звучало как очень жестокая шутка.

– Ох, черт, Сириус, я не хотела... Я не это имела в виду, просто...

– Ничего, – быстро выпалил как-то сникший Сириус, пряча руки в карманы.

Есть ли в этом мире хоть что-либо, что ты еще не испортила, Сионна Вэль?

– Что случилось? – Тея заинтересованно переводила взгляд с меня на Сириуса.

ДВЕ МИНУТЫ ДО СТАРТА
РЕЙНДЖЕР ВЭЛЬ ЗАЙМИТЕ ВАШУ КАПСУЛУ

Как вовремя.

Малодушно радуясь, что голос в динамиках заставил меня прервать этот неловкий разговор, я поспешно распрощалась с Теей и Сириусом, все еще избегающим моего взгляда, и поспешила на загрузку.

Когда я ступила в капсулу и металлическая дверь за мной опустилась, отрезая от станции, все мои негативные эмоции, вся ноша, оставшаяся после напряженных перепалок с отцом, и весь стыд, испытанный от короткого разговора с Сириусом, куда-то делись.

Пришел легкий мандраж – черт, я совсем забыла, как это бывает.

Мягкий голос виртуального оператора начал обратный отсчет.

ДЕСЯТЬ... ДЕВЯТЬ...

Я проследила за тем, чтобы все ремешки безопасности

были закреплены так, как им положено согласно правилам.

ВОСЕМЬ... СЕМЬ... ШЕСТЬ...

Провела облаченным в форменную перчатку пальцем по сенсорному мониторчику справа от себя, выставляя режим подачи кислорода на норму. Двадцать второй век, почему они не сделают эту функцию автоматической?

ПЯТЬ... ЧЕТЫРЕ... ТРИ...

Ох черт, мне стало жутко. Но жуть эта находилась где-то на грани между радостью, страхом и азартом.

ДВА... ОДИН...

Я зачем-то зажмурилась.

НОЛЬ... ПРИЯТНОГО ПОЛЕТА, РЕЙНДЖЕР!..

Четвертая почти бесшумно выплонула капсулу со мной, и вот я уже летела вниз, запутавшись в заботливо сплетенном коконе страховок, стремительно и быстро. Это падение не было свободным. Его спроектировали заранее, и каждый миг контролировали из транспортного отсека станции.

В первые секунды полета через прозрачные стены, на местах сплавки покрывшиеся изморозью, я могла видеть толь-

ко непроглядную громаду облаков. Белые, местами *ослепительно* белые, они клубились так плотно, что казались непроницаемыми. Но затем капсула наконец взрезала их податливую плоть, уничтожая эту иллюзию, и взору открылся мой потерянный мир. Неровно склеенные пятнышки выжженной почвы и редких лесков, рыжих полей и разрушенных городов, водоемов и горных хребтов.

Высвободившись из страховок, ослабших сразу после того, как капсула отделилась от станции на приличное состояние, я прилипла к стеклу, постепенно освобождающемуся от ледяных паутинок.

Синтетический голос принялся рассказывать о подробностях задания, но я слушала его лишь вполуха.

Я вспомнила, почему Земля меня так тянет. Вспомнила, почему я так по ней скучала. И чуть ли не задохнулась от восторга, осознавая, что осталось совсем немного.

Еще немного, еще несколько минут – и я буду дома.

11

Лифт немного затормозил перед тем, как вонзиться в землю и поднять кучу пыли. Дождавшись, пока она осядет, я проверила снаряжение, затем зажала открывающую дверь кнопку и наконец вышла из кабины. Вдохнула полной грудью неочищенный воздух и как-то совершенно по-детски обрадовалась непривычной мягкой почве под подошвами боти-

нок. Наконец-то. Долгие четыре месяца, но вот я снова здесь.

Наконец-то.

Опомнившись, я поспешила убрать глупую улыбку с лица: все-таки я в зоне высадки не одна. Еще семь лифтов, приземлившихся с небольшим интервалом неподалеку, уже выпустили своих пассажиров.

Дверь моего закрылась, таймер отсчитал положенные тридцать секунд, и лифт пулей взлетел строго вверх для стыковки с зависшей в километрах над землей станцией. Я проследила за его движением – где-то за облаками едва заметно сверкнул металлический корпус Четвертой, и станция тут же перешла в зеркальный режим, отражавший небо и таким образом делавший ее невидимой. Снаружи Четвертая была обшита двусторонним гибким металлом; точно из такого (впременшку с суперматерией) были сделаны мои крылья.

И крылья Лиама.

Я поморщилась. В течение минуты за моим лифтом последовали остальные. Рейнджеры собрались в центре пустыря, чтобы обсудить стратегию. Это было существенным недостатком дня, который должен был стать – несмотря на все мои проблемы – просто идеальным.

Сегодня я не покидала зону высадки сразу, как делала всегда. Обычно я получала задание и уходила выполнять, пока остальные собирались и обсуждали предстоящую работу. Сейчас же, в окружении других рейнджеров, мне стало крайне неудобно. Им со мной тоже – я заметила несколько недо-

уменьших переглядываний, услышала какой-то недовольный шепоток. Конечно, я ведь сознательно вела себя так, чтобы заставить их меня ненавидеть. Имен трех человек из собравшихся я не знала, а одного так вообще впервые видела. На всякий случай я напустила на себя самый равнодушный и независимый вид. Лиам, заметив это, ободряюще улыбнулся мне. Возможно, в иной ситуации я была бы благодарна, но сейчас ответила парню мрачным взглядом – нам с ним еще предстояло многое обсудить.

– Приветствую на Земле, коллеги, – сказал Лиам, обращаясь ко всем нам. Это оказалось для меня сюрпризом – с каких это пор на него повесили функцию координатора? – На ваши персональные компьютеры сейчас придет информация о сегодняшнем задании. Код 14 накладывает на всех нас определенные ограничения, поэтому постарайтесь справиться как можно скорее и без лишнего шума.

Я уже давно свыклась с мыслью, что Лиам, в силу своего земного прошлого является достаточно компетентным рейнджером. Теперь же меня удивляло то, что остальные его слушали, словно безмолвно признавая не то что равным, а лидером. Я никогда не стремилась к тому, чтобы командовать. Ответственность перед другими людьми разрушила мою семью – так что закономерно, что такая перспектива не казалась мне привлекательной.

– С той стороны, – Лиам указал на север, где каким-то чудом выживал прохуdivшийся, рано растерявший всю листву

лес, – белая топь.

– Мы с Павлом можем ей заняться, – сказала незнакомая мне блондинка с веснушчатым лицом.

– Нет, Рита, – покачал головой Лиам, – так не пойдет. Белая топь не терпит промедления, зазеваешься на секунду – утянет на дно. А я помню, что у вас с Павлом на пару показатель ловкости невысокий. Тридцать восемь процентов успешных проверок в среднем за симуляцию.

Павел, темнокожий верзила с суровым выражением лица, хмыкнул. Уж по силовым-то показателям у него эффективность – явно процентов за девяносто.

– Ты помнишь все наши статьи, новенький? – спросил он.

Ну вот, начинается.

Я поморщилась.

Никогда не любила коллективы еще и за то, что в них никак не обойтись без борьбы за власть. Даже неосознанной, неконтролируемой, ограничивающейся словесными тычками и вызывающим поведением.

– Хочешь прогнать меня на предмет фотографической памяти? – невинно осведомился Лиам, подняв брови. И ухмыльнулся. – Вперед.

После этого «вперед» Павел не смог сделать ничего умнее, чем покачать головой и заткнуться. На его месте, пожалуй, я бы тоже попыталась притушить бунтарскую искру в душе и слушать Лиаму дальше, как ни в чем не бывало. Потому что даже мысль о том, чтобы продолжать перепалку с ним

сейчас, казалась неоправданно глупой.

Лиам не вел себя как новичок, и не вел себя как вчерашний подросток, и не вел себя как кто-то, выросший в безопасности, без постоянной нужды защищать свою жизнь. Его прошлое висело над ним уродливым беспощадным монстром, и все, кто видел тень этого монстра, невольно отступали. И когда Лиам сказал «вперед» со своей убийственно спокойной улыбкой, я впервые увидела тень этого чудовища.

И если бы я не была так увлечена желанием поскорее начать рейд, уделила бы этому моменту больше внимания.

– У меня здесь самая высокая ловкость, – заявила я, даже без нужды знать показатели присутствующих. Девяносто восемь и три десятых. Абсолютный рекорд среди рейнджеров моего выпуска. – Белая топь – моя.

– *Наша*, – поправил Лиам, переключая внимание с Павла на меня. Я намеренно задержала на нем изучающий взгляд.

– Отлично. Может, в ней ты и сгинешь, – прошептала я. Получилось немного громче, чем следовало.

– Если мой напарник окажется недостаточно квалифицированным, чтобы вовремя оказать мне помощь, – пожал плечами Лиам, – так тому и быть.

Я заметила, что другие рейнджеры заулыбались. А, ну еще бы. Они считали, что на меня в лице Лиамы нашлась управа. Что сейчас мы начнем ругаться и оскорблять друг друга, а они, созерцая, как не могут поладить рейнджеры с самыми высокими показателями, будут чувствовать себя немного

лучше со своими средними.

Не стоило дарить им это просто так. Пожалуй, лучше вообще сдерживать свою личную неприязнь к кому-либо при посторонних.

Кашлянув и тем самым словно отрезав зародившуюся перепалку, я сказала:

– Беру на себя левую половину зоны. Если поделим, скорее управимся.

Не прощаясь, я развернулась и направилась на север, к леску и поселившейся между куцыми деревьями белой топи.

Многие из новых природных явлений были неестественными для Земли. Ящерицы, почувствовав себя здесь хозяевами, решили адаптировать почву и водоемы под свои растительные культуры и виды рыб. На всю поверхность планеты их пока не хватило, да и преданных питомцев – землян, живущих в городах-анклавах, – кормить надо было чем-то привычным. Поэтому такие клочки обработанной земли попадались нам довольно редко. По крайней мере, я с ними сталкивалась всего раза два или три.

Белые топи образовывались на местах водоемов из-за воздействия какого-то неизвестного человеческой науке вещества. В них произрастали крупные шарообразные плоды: жесткий панцирь с мерзкими ворсинками и алая мякоть, напоминавшая по вкусу мясо и сворачивавшая кровь в жилах вкусившего ее человека за считанные часы. Откуда известно про кровь? Конвенцией от девяносто девятого года было

принято решение не обходиться с биоматериалом расточительно в условиях и без того низкой рождаемости среди свободных землян. Иными словами, станции проводят на своих приговоренных к казни преступниках разные эксперименты, помогающие изучить врага. С одной стороны, не слишком гуманный способ делать такие дела. С другой – все во имя человечества и его процветания в будущем. Гуманность, если подумать, даже гибче понятия «милосердие».

Огромный, уродливый белый пузырь поддел рыхлую почву в паре метров от меня и лопнул. Разорванный пласт земли – больной и неспособной вырастить ничего, кроме ядовитой инопланетной дряни, – стал медленно оседать назад. Это отвратительное зрелище завораживало.

Подошва ботинка с чавканьем оторвалась от поверхности белой топи.

– Фу, – непроизвольно вырвалось у меня.

Белая топь представляла собой большое скопление неньютоновской жидкости, рыхлой и местами пузырящейся. Если долго стоять на месте, она расступается под твоим весом, оборачивается вокруг ног и ни за что не позволяет выбраться, медленно заглатывая тебя и утягивая на дно. Но если перемещаться быстро, а еще лучше бегом, – пяточки поверхности под ударами ног становятся очень плотными, и топь не успевает среагировать и поймать тебя в свою ловушку.

– Ну, за работу, – выдохнула я, обращаясь к самой себе.

И побежала.

Симуляции разбаловали рейнджеров, предоставляя реальность, в которой нам, несмотря на погружающую сыворотку и новейшие технологические решения, ничего не грозило. У этого был побочный эффект – чувство неуязвимости, оборотности происходящего, избавиться от которого не так просто. Но если у тебя с мозгами все в порядке, ты, конечно, справишься. Стимул выжить на поверку оказывается сильнее, чем стимул заработать баллы для рейтинга.

В десяток длинных прыжков я преодолела белую топь, медленно исходящую пузырями. Там, где приземлялись мои ноги, затвердевшая на мгновение почва запоздало покрывалась неглубокими провалами, по форме повторяющими подошвы ботинок.

Наручный компьютер показал, что я пробежала пятнадцать метров. Сумка с зондами для исследования почвы опустела. Я обернулась, довольно наблюдая, как белая топь с чавканьем поглощает маякующие синими диодами устройства, и вместе с тем поражаясь, насколько странной и уродливой была флора тех, кто отнял у нас нашу.

– Простите, ребята. Такова ваша судьба, – зачем-то сказала я вслед скорбно мигающим, скрывающимся под белой толщей устройствам. Пять зондов означали тонны полезной информации для станции. Они должны были проанализировать химический состав белой топи изнутри, послать сигналы на Четвертую, а затем разрушиться, чтобы не оставить

нашего следа.

Скорбеть долго над почившими во имя человеческой цивилизации зондами не пришлось, – меня отвлек бодрый писк, раздавшийся за спиной. Писк, который невозможно было спутать ни с чем на свете.

– Сэмми! – обрадовалась я. Сборщик отреагировал на мой голос веселым аккордом машинных звуков и подлетел ближе.

Сэмми прибыл как нельзя вовремя – основная задача была выполнена, и теперь я могла с чистой совестью прошвырнуться по окрестностям, нагружая сборщик экземпляров любым приглянувшимся мне хламом. Другое дело, что на мили вокруг тянулся лес, и действительно интересных мест для исследований здесь могло не быть вовсе.

Я побродила немного по пролеску за белой топью – чем дальше от топи, тем крепче и гуще попадались деревья. Под ногами стала появляться трава – не пожухшая куцая, но свежая и зеленая. Это открытие дарило надежду – не настоящую надежду, конечно, но видеть кусочки чего-то *живого* на мертвой Земле было так приятно.

Вместе с Сэмми мы выбрались к каким-то развалинам. Судя по кладке, неровной, почти циклопической, это сооружение появилось здесь много веков назад. Остановившись и склонив голову набок, я изучающе рассматривала каменные ступени, давно поросшие травой, отверстия у основания стены, где когда-то был водосток, обломанные бойницы и ар-

ки. Интересно, что это было? Ворота древнего города, переходившие в оборонную стену? Черный рынок, сокрытый от зорких глаз закона в сердце леса, в те времена, когда здешние деревья еще густо шумели высоко над землей? Укрепленный форт разбойников, грабивших богачей и отдававших награбленное бедному народу? Такие места заставляли мою запылившуюся фантазию работать.

Внезапно я услышала неопределенный тихий звук и повернулась туда, откуда, как мне показалось, он исходил. В проломанной арке стоял пушистый рыжий зверек с треугольными ушками и длинным хвостом. Зверек поглядел на меня в упор и вдруг, широко разинув пасть, призывно мяукнул.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.